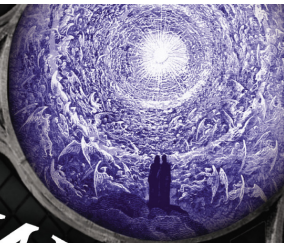

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ГЮСТАВ ДОРЕ

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Данте Алигьери
Божественная комедия.
Самая полная версия
Серия «Коллекционное
иллюстрированное издание»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67330383

*Божественная комедия. Самая полная версия: ООО «Агентство
Алгоритм»; Москва; 2022
ISBN 978-5-907363-30-4*

Аннотация

Настоящее издание посвящается величайшему французскому гравёру, иллюстратору и живописцу Гюставу Доре.

Прошло семь столетий со времени создания «Божественной комедии», но и по сей день произведение это является одним из самых читаемых в мире. Гений Данте повергает нас в самое сердце ада человеческой души и постепенно влечет за собой к райским вратам добродетели и радости. Гений Доре ярчайшим образом проявился в знаменитой серии гравюр, иллюстрирующих этот выдающийся памятник эпохи Ренессанса. Доре называют величайшим иллюстратором XIX века за непревзойдённую игру света и тени в его графических работах.

В данной книге представлен первый полный русский перевод, выполненный Дмитрием Егоровичем Мином в соответствии со всеми особенностями стихотворного размера подлинника, то есть терцинами. В 1907 году Императорская Академия наук присудила изданию «Божественной комедии» в переводе Мина премию А. С. Пушкина, отметив его как лучший на русском языке.

Третья часть поэмы Данте – «Рай» – публикуется в переводе Николая Голованова, также выполненном с сохранением размера и рифмовки подлинника.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Данте Алигьери	6
Вступление	9
А. К. Дживелегов	9
А. К. Дживелегов	26
Иллюстрации Гюстава Доре как самостоятельное произведение искусства	44
Перевод Мина и царская цензура	59
Ад	62
Песнь I	63
Песнь II	77
Песнь III	88
Песнь IV	101
Песнь V	113
Песнь VI	128
Песнь VII	138
Песнь VIII	151
Песнь IX	163
Песнь X	176
Песнь XI	186
Песнь XII	194
Песнь XIII	207
Песнь XIV	220
Песнь XV	229

Песнь XVI	238
Песнь XVII	246
Песнь XVIII	257
Песнь XIX	269
Конец ознакомительного фрагмента.	271

Данте Алигьери
Божественная комедия.
Самая полная версия.

© ООО «Агентство Алгоритм», оформление, издание,
2022

* * *

Портрет Данте Алигьери (1265–1321).

Гюстав Доре

Вступление

А. К. Дживелегов

Данте Алигиери. Жизнь и творчество

Данте Алигиери (Dante, сокр. из Durante Alighieri, 1265–1321) – величайший итальянский поэт. Родом из Флоренции, принадлежал к городской знати среднего достатка; предком его был рыцарь Каччагвида, погибший во втором крестовом походе в 1147 году. По имени жены его Алагиеры был назван один из сыновей. Потомство Алагиери стало зваться Алагиери или Алигиери. Отец Данте, по-видимому, был юристом. В семье еще жили феодальные настроения, хотя долгое пребывание в стенах большого торгового города заставляло эти традиции тускнеть. Школа дала Данте начатки знаний в рамках средневековых школьных программ, т. е. очень мало. Университета во Флоренции еще не было. Закладывать настоящие основы своих знаний Данте приходилось самому.

Генри Холидей. Данте и Беатриче

Он читал все, что попадало под руку, и перед ним понемногу начинал рисоваться его собственный путь ученого, мыслителя и поэта. Данте сознательно выбрал среди поэтов Вергилия, который вскоре стал его «вождем, господином и учителем». Он овладел французским и провансальским языками и стал поглощать в огромном количестве поэмы о Трое и о Фивах, об Александре Македонском и о Цезаре, о Карле Великом и его паладинах, а в рифмованных французских энциклопедиях и дидактических поэмах находил знания, которых не мог приобрести в школе. Первые об-

разцы стихов дали ему провансальские поэты. Прямым же вдохновителем Данте был его верный друг Гвидо Кавальканти, самый яркий представитель нового поэтического направления *dolce stil nuovo*. Как все поэты этого стиля Данте соединяет восхваление избранной им героини (Беатриче – дочери друга его отца Фолько Портинари) со спиритуалистическим и мистическим толкованием любви как стремления к божеству. Сложная символика образа возлюбленной Данте вызвала огромную литературу по этому вопросу, причем часть исследователей склонна была видеть в Беатриче лишь поэтическую фикцию – аллегорическое выражение политических или философских идеалов и чаяний автора. Реальное существование Беатриче можно считать установленным с тех пор, как было найдено в архивах завещание Фолько, в котором упоминается имя его дочери Беатриче, в то время уже супруги Симоне деи Барди.

Чезаре Саккаджи. Данте и Беатриче

Когда в 1290 году Беатриче, совсем еще юная, умерла, Данте собрал ряд своих стихотворений в книжку, которую назвал «Новая жизнь» (*Vita Nuova*) – по другим толкованиям – «Молодость». Каждое из стихотворений, входящих в эту книжку (24 сонета, 5 канцон и одна баллада), сопровождается объяснениями. В целом – это поэтическая история его любви, первая в новой литературе автобиография ликующей и страдающей души. Следуя стилевому канону *dolce stil nuovo*, поэт изображает любовь как неземное чувство. Природа ее лучше всего раскрывается в таинственных снах и в аллегорических образах. Последовательное развитие спиритуалистических настроений, насыщающих «Новую жизнь», поэт даст в образе Беатриче в «Божественной комедии», где в ее лице воплощено богословие.

Поэтическая страсть не наполняла целиком жизнь Данте. Как и большинство его сверстников, он должен был приобщиться к делам общественным, прежде всего, как воин. В 1285 году он принимал участие в небольшом походе против Монтеварки. В 1287-м, по-видимому, был в Болонье. В июне 1289-го бился с аретинцами при Кампальдино, а через два месяца участвовал во взятии замка Капроны. Подвигались и его научные занятия. Смерть Беатриче натолкнула его между прочим на трактат Боэция «Об утешении в философии», и чистое умозрение, к которому он привык, вращаясь в мире отвлеченных поэтических образов, совсем увлекло его. Данте стал посещать своего рода философские факуль-

теты, приютившиеся в некоторых флорентинских церквях и монастырях, особенно тот, которым руководили доминиканцы, – в Santa Maria Novella. Эти занятия имели огромное значение для всего дальнейшего поэтического пути Данте, ибо здесь он получил возможность углубиться в изучение представителей средневековой философии, начиная от блаженного Августина и кончая классиками схоластической философии. Естественным образом изучение философов сопровождалось более углубленными экскурсами в область классической литературы. Только теперь Данте расширил свое знакомство с классиками, которому начало положила школа. Он проштудировал Овидия и Лукана, Горация и Ювенала, Сенеку и Стация, наконец Цицерона и Вергилия, которого так почитал. Укрепился он также в астрономических знаниях. Междоусобица в родном городе нарушила строй его мирных занятий. Во Флоренции в годы юности Данте еще не была закончена борьба между дворянством и буржуазией. Она разворачивалась, пока он подрастал. Капитуляционная хартия дворянства, «Установления справедливости» (Ordinamenti di Giustizia), – была издана в 1293-м, но она не была последним этапом в борьбе дворян и горожан. После поправок, внесенных в «Установления» в 1295 году, тем из дворян, которые не хотели лишиться политических прав, было разрешено записываться в один из городских цехов. По-видимому, Данте был в числе тех, кто этим разрешением воспользовался. Он стал членом цеха врачей и ап-

текарей, который принадлежал к семи старшим и включал в себя, кроме двух профессий, по которым назывался, еще книгопродавцев и художников.

Данте Габриэль Россетти. Данте и Беатриче

После вступления своего в цех врачей Данте стал прини-

мать участие в политической жизни. Он был членом некоторых городских советов, хотя и не обнаруживал ни особенного интереса к политической жизни, ни особенного усердия в исполнении своих политических обязанностей. Но если Данте сам не искал политических лавров, то его нашли политические тернии. Положение во Флоренции осложнялось. «Ordinamenti» не могли положить конца политической борьбе. После поправок 1295 года власть в городе фактически стала принадлежать старшим цехам, т. е. промышленной, торговой и финансовой буржуазии. Младшие, ремесленные цехи, правившие два предшествующих года, были оттеснены, а в группе старших видную роль стали играть дворяне: разрешение записываться в цехи снова открыло им путь к власти. Коалиция дворян с крупной торговой, банкирской и промышленной буржуазией сделалась основой господства так называемой гвельфской партии, которое длилось почти весь следующий век. Однако вскоре в пределах гвельфской партии возник раздор. Экономические группы: «банкирские дома», торговые компании вырастали быстро, и доходов на всех не хватало. Партия разбилась на две группы: Черных, которые стали себя называть просто гвельфами, и Белых. Первые ориентировались на папскую курию, способствовавшую капиталистическому перерождению Италии. Вторые вступили в сношения с гибеллинами, партией феодального военного дворянства. Семья Данте была всегда в рядах гвельфов. После раскола все Алигиери примкнули

к Белым. В связи с конфликтом Данте в мае 1300 года был отправлен послом в Сан-Джиминьяно, а в июне был избран членом правящей коллегии приоров. Черные были побеждены, вожди их изгнаны из города, бежали к Бонифацию; последний отправил через некоторое время против Флоренции французского принца Карла Валуа «для умиротворения». Город подчинился, и под защиту французов во Флоренцию победоносно вернулись Черные. Началась месть. Данте, бывший в это время в отлучке, вместе с другими был присужден к изгнанию с угрозой сожжения живьем в случае самовольного возврата [начало 1302]. Он так и не увидел больше «прекрасной овчарни, где спал ягненком».

Сальваторе Постильоне. Данте и Беатриче

Началась скитальческая жизнь, полная лишений. Гордый дух человека, не всегда «снисходившего до разговоров с мирянами», познал, как «горек бывает чужой хлеб и как тяжело подниматься и спускаться по чужим лестницам». Но в великом изгнаннике таились неисчерпаемые силы духа. Он странствовал по свету, боролся, учился и творил. Первые годы он надеялся, что Белым вместе с остатками томившихся еще в изгнании гибеллинов удастся силою вернуться на родину и победить Черных. Попытки были отбиты, и Данте, отчаявшись, стал искать на свете уголка, где он мог бы найти

покой и возможность работать. Но судьба гнала его то в Верону, где он некоторое время пользовался гостеприимством друга гибеллинов Кана Гранде делла Скала, то в Падую, то в Мантую, то в Лигурию, то в Париж. В его голове роились творческие замыслы, но заниматься мог он только урывками («Пир», трактат о языке).

В 1308 внезапно ожили надежды гибеллинов и окончательно примкнувшего к ним Данте. Императором Германии был избран Генрих VII, граф Люксембургский, который заявил, что сумеет силою оружия положить конец партийным усобицам в Италии. Гибеллины смотрели на него, как на Мессию, верили, что ему удастся уничтожить господство буржуазии в Италии, и Данте приветствовал его экстатически. Генрих сделал попытку покорить Флоренцию, но смерть застигла его в такой момент, когда ему самому все дело стало казаться безнадежным [1313]. Рухнула последняя надежда Данте, ибо на родине дважды имя его было вычеркнуто из списка амнистированных, как имя активного эмигранта. Когда позднее, как сообщают, было предложено ему вернуться на условиях унижительного публичного покаяния, Данте отверг это предложение. Странствования продолжались. В 1315 году Данте был в Лукке, где пользовался гостеприимством Джентукки, благородной дамы, которая стала очень близким ему человеком, а с 1318 года и до конца жизни прожил в Равенне у ее синьора Гвидо Полента, внука воспетой им Франчески да Римини. Там он довел до конца свою поэ-

му; там умер и похоронен.

Первым большим произведением Данте эпохи изгнания является его «Пир» (Il Convivio), относящийся по-видимому к 1307–1308 годам. Данте хотел дать в нем нечто вроде средневековой энциклопедии в форме комментария к ряду своих философских канцон. Но трактат остался неоконченным. В четырех написанных главах мы имеем введение и объяснение к трем канцонам. По форме «Пир» – чисто схоластическое произведение, которое тесно связано с углубленными философскими занятиями Данте до изгнания. В трактате говорится обо всем: о богословии, о морали, об астрономии, и многое в нем уже предвещает если не образы, то концепции «Божественной комедии».

«Пир», как впоследствии и «Божественная комедия», написан по-итальянски. В то время как шла работа над трактатом и зарождалась поэма, для Данте был уже решен вопрос о том, на каком языке ему нужно обращаться к читателям. Он целиком уже был горячим защитником итальянского языка. Это – одна из величайших его заслуг перед итальянской культурой. Данте сумел понять, что в городах вырастал новый человек, способный читать и развиваться на прочитанном, что если писатель хочет говорить для своего времени и влиять на своих сограждан, он должен отбросить язык школы и ученых кругов, заговорить на языке этого нового человека – на языке, который всем понятен и всем доступен. Это еще раз доказывает, как чуток был Данте к тем обществен-

ным переменам, которые совершались на его глазах. Защи- те итальянского языка и посвящен неоконченный латинский трактат «De vulgari eloquentia», относящийся к тем же годам, что и «Пир». В нем защита vulgare ведется аргументами философскими и филологическими, что конечно никак не может затемнить основного социально-культурного аргумента, который для Данте был решающим, но которому он не умел найти вполне адекватного выражения в обычном построении латинского трактата.

Памятник Данте во Флоренции на площади Санта Кроче

Работа над «Пиром» была оставлена в 1309 году, когда для гибеллинов и Данте казалось занялась заря новой жизни после избрания Генриха Люксембургского. Генрих VII собирался в Италию. Ему нужно было подготовить достойную встречу, нужно было вести агитацию за гибеллинские идеалы, трубить сбор его приверженцам. В гибеллинском лагере Данте был единственным человеком, способным взвалить на свои плечи эту огромную задачу. Он взялся за нее со всем пылом. Он писал одно за другим огненные латинские послания, обращенные ко всем, от кого он мог ждать сочувствия и поддержки. Это была публицистика, рассчитанная на непосредственный эффект. За ней последовала тяжеловесная аргументация латинского трактата «Монархия» (*De Monarchia*). В литературе, сопровождающей вековой спор между империей и папством, трактат Данте, наряду с книгой Марсилия Падуанского, является наиболее полным выражением гибеллинских идеалов. Собственные гибеллинские убеждения Данте к этому времени сложились уже окончательно, и ему нужно было только подобрать соответствующие аргументы, способные повернуть общественное мнение Италии на сторону императора. И замечательно, что вместе с пробуждением стародворянской гибеллинской идеологии в сознании Данте ему сразу изменила та безошибочная оценка социально-культурной обстановки, которая столь ярко ска-

залась в трактате о языке. Данте ни на минуту не вспомнил о том, какие живые силы сегодняшнего дня, какие здоровые насущные интересы заставляют богатые итальянские города бороться против дутых притязаний империи и прикрывать эти интересы столь же дutoй и никого не обманывающей привязанностью к папству. Данте был убежден, что исторические и философские аргументы могут решить спор, давно и бесповоротно решенный жизнью. И жестоко обманулся.

В «Монархии» речь идет о том, каким образом создалось право римского государства царить над народами, говорится о преемственности власти римских императоров германской нации от древних римских императоров, решается вопрос о двух мечях: духовном и светском и утверждается положение, что император получает власть не от папы, а непосредственно от бога.

Однако гениальнейшим созданием поэта, стоящим в одном ряду с поэмами Гомера, «Фаустом», лучшими драмами Шекспира, является его «Божественная комедия» («Комедией» Данте назвал свое произведение потому, что скорбное и страшное вначале оно завершается радостным концом; слово «божественная» не принадлежит Данте), – плод всей второй половины жизни и творчества Данте. В этом произведении с наибольшей полнотой отразилось мировоззрение поэта. Данте выступает здесь как последний великий поэт средних веков, продолжающий линию развития феодальной литературы, впитавшей, однако, в себя некоторые черты, ти-

пичные для новой буржуазной культуры раннего Ренессанса.

Дом-музей Данте во Флоренции

«Комедия» – последнее и самое зрелое произведение Данте. Поэт не сознавал конечно, что его устами в «Комедии» «заговорили десять немых столетий», что он подытоживает в своем произведении все развитие средневековой литературы.

А. К. Дживелегов

Замысел, сюжет, историческое значение «Комедии»

К концу XII века итальянская литература вышла на вольную дорогу, сливая воедино отмирающие, феодальные отголоски с крепнущими буржуазными мотивами, объединяя уцелевшие воспоминания от римских времен, принесенные из-за Альп рыцарские провансальские мотивы и новые религиозные настроения. Одиноким гигантом, подобно Горе очищения в безбрежном океане, стоит Данте на грани двух эпох, давая синтез одной, освещая пути для другой. Это сделала его «Комедия» – главный плод гения Данте, детище его изгнания. В ней отразилось все, что в жизни было поэту дорого: любовь к Беатриче, научные и философские занятия, муки и думы, восторги и печали изгнанника. Данте прокалил пережитое на огне страсти, из личного превратил в общественное, из итальянского в мировое, из временного в вечное.

Замысел «Комедии» относится к периоду работы над стихами и прозой «Новой жизни». Мысль о грандиозном славословии Беатриче сквозит и в центральной канцоне, и в заключительных строках «Новой жизни», а последний сонет книги даже как бы намечает поэтическую форму будущего

панегирика. Но без усиленных занятий, в которые Данте втянулся после смерти Беатриче, поэма, раскрывшая в образах всю систему средневекового мирозерцания, не могла бы быть написана, как не могла она быть написана, если б жизненный опыт Данте не обогатился в острой политической борьбе, связанной с периодом эмиграции и интервенции.

Учение об аде и рае появляется в христианской догматике с самого начала. Христианский ад и христианский рай примыкают к языческой преисподней и к языческим Елисейским полям. Сохранение этих загробных обиталищ было вполне логично, так как без идеи посмертного воздаяния за грехи и за праведную жизнь на земле невозможно было обоснование христианской морали. Учение о чистилище появилось позднее и было плодом богословских умствований VI века, стремившихся смягчить мрачный пессимизм изначальной христианской догматики. Представление о чистилище основано на вере, что своевременное! покаяние может повести к прощению любого греха. Относительно местоположения чистилища твердых данных не существовало, в то время как считалось точно установленным, что ад находится где-то в подземных безднах, а рай обязательно в небесах. Поэтому пейзажи ада и рая Данте рисовал по канве, существовавшей издавна, а пейзажи чистилища – создание его собственного воображения. Без величественной горы чистилища, высочайшей горной вершины на земном шаре, картина загробного мира была бы неполна и населяющим загробный

мир душам было бы тесно.

Подземный мир, бушуя на просторе,
С толпою душ кружится в царстве мглы

А поэту нужно было много места, чтобы разместить несметную толпу теней. Тени для него неизмеримо важнее остального. Ибо до смерти они были людьми, а люди интересовали поэта превыше всего.

Данте не мог отойти от общей концепции вселенной, опирающейся на систему Птолемея, богословски осмысленную схоластиками. Для него земля представляет собой шар и находится в центре вселенной. Вокруг нее концентрически вращаются планеты и солнце. Земля и планеты охвачены неподвижным бесконечным Эмпиреем. Населено только северное полушарие земли. В центре его Иерусалим, а крайние его точки – устья Ганга на востоке и Кадикс в Испании. Италия помещается на половине пути между Кадиксом и Иерусалимом. Когда Люцифер взбунтовался против бога, он был низвергнут на землю, упал головой вперед на поверхность одного полушария, ушел в землю и застрял навеки в ее центре – живой, но ставший демоном. Вокруг него образовался ад в виде огромной воронки, расширяющейся кверху и выходящей широкой частью почти к поверхности северного полушария. Южное полушарие покрылось водой, а в центре его от падения Люцифера взметнулась земля, образовавшая высокую уступчатую гору в форме усеченного конуса. Это и есть гора чистилища. Она окружена узеньким взморьем у

подножия, а ее плоская вершина, покрытая лесом, – земной рай, где совершилось грехопадение Адама и Евы. Настоящий рай размещается на девяти небесах, образуемых кругами вращения семи планет (Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн), Неподвижных звезд и Перводвигателя. Десятое небо – Эмпирей.

Эта картина вселенной дается поэтом как каноническая, но он свободно расцвечивает ее красками своей неисчерпаемой палитры. Каков же его путь по загробному миру?

Об руку с Вергилием поэт вступил во тьму глубокой бездны, над воротами которой начертаны слова: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Обоих поэтов встречают несметные толпы людей, проживших жизнь «без хулы и без хвалы», отринутых даже адом. Они должны вечно вертеться у его преддверия, даже не удостоившись мук. «Взгляни и пройди», – *guarda e passa* – презрительно бросает Вергилий, увлекая Данте дальше. В ладье Харона переправляются поэты через первую адскую реку Ахерон и попадают в лимб, где без муки, в полублаженстве живут души языческих праведников и где Данте принят шестым в содружество великих поэтов древности – Гомера, Вергилия, Горация, Овидия и Лукана. Это – первый круг ада. В преддверии второго – древний Минос судит грешников, а в самом круге в густом мраке воеет неистовый ураган и в вихре носятся души осужденных за грех сладострастия. Это – V песнь «Ада» с бессмертным эпизодом Франчески и Паоло. В третьем круге, где не пере-

ставая лаёт трехголовый Цербер, мучаются под непрестанным снегом и градом обжоры, и Данте слышит первое касающееся его судеб злое пророчество: Флорентиец Чакко предсказывает поэту распря «белых» и «черных» и ее исход. В четвертом круге, как древний Сизиф, влекут тяжести скупцы и расточители; среди них много пап и кардиналов. Тут же (VII песнь) чудесный образ Фортуны. Дальше путь преграждается адской рекой Стиксом, через которую поэтов в своей ладье перевозит мифический вольнодумец Флегий, по преданию, сжегший храм Аполлона. Пока они плывут, на лодку пытается напасть неукротимый Филиппо Ардженти, флорентиец из знатного рода Адимари. Поэты вошли в пятый круг, где мучаются гневные. За Стиксом возвышаются раскаленные башни адского города Диса, где казнятся еретики. Ворота охраняются демонами, которые не хотели пропускать поэтов, пока не явился посланный небом ангел и не отворил ворота своим жезлом. Это шестой круг – X песнь, центром которой являются поразительный по мощи и пластичности эпизод с Фаринатою дельи Уберти, в который втиснут другой – с Кавальканте деи Кавальканти. Седьмой круг, где мучаются насильники, распадается на три отделения: схоластическая систематика и моральный замысел поэта начинают требовать все большей детальности. В первом из этих отделений течет третья река преисподней Флегетон, несущая вместо воды потоки кипящей крови; в ней барахтаются насильники против людей и тираны; когда они хотят выбраться

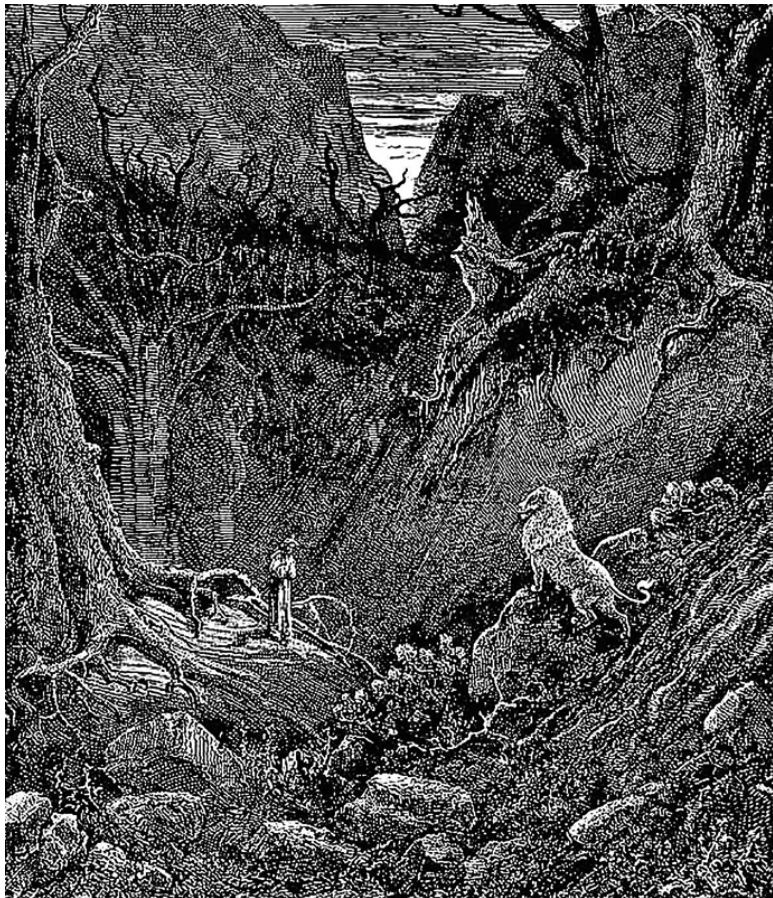
на берег, их поражают стрелами скачущие по берегу кентавры. Здесь Александр Македонский, Пирр Эпирский, Аттила, Эццелино да Романо и другие. Второе отделение наполнено согрешившими насилием против себя – это самоубийцы; они превращены в деревья, терзаемые гарпиями. Данте сломал сук одного дерева, и оказалось, что он ранил Пьеро делла Винья, поэта Фридрихова сицилийского кружка. Третье отделение – обиталище насильников против бога и природы; их тоже три вида: богохульники, ростовщики и содомиты; они должны, не останавливаясь, бегать под непрерывным огненным дождем.

...поцелуй сердечный
Был применен улыбкою к устам

Среди богохульников (XIV песнь) Капаней, один из греческих героев, а среди содомитов много видных флорентийцев, которых с самого начала жаждал видеть Данте: Гвидо Гверра, Теггьяйо Альдобранди, Якопо Рустикуччи и старый друг и учитель поэта – Брунетто Латини.

При дальнейшем спуске Данте и Вергилий приходят к водопаду, низвергающемуся в восьмой круг; туда переносит их на себе чудовище Герион, олицетворение обмана.

Страх мне в сердце пробудил
Свирепый Лев

Восьмой круг делится на десять рвов, или «злых ям»,

в каждой из которых казнят прегрешивших обманом. Для Данте моральный рубеж проходит как раз перед восьмым кругом. Грешников, которые были обречены страдать в первых семи кругах, он чаще осуждал лишь в силу велений богословской догматики; по-человечески он нередко готов был их прощать. Для грешников восьмого круга приговор его совести почти всегда совпадал с приговором схоластического богословия. Для грешников девятого круга, то есть изменников и предателей, его собственный приговор всегда беспощаден.

В первой яме обольстители; их бьют длинными бичами рогатые черти, нанося им страшные раны. Во второй яме льстецы, они плещутся в зловонных испражнениях. В третьей – головой в землю воткнуты виновные в симонии; ноги их, торчащие наружу, обжигаются пламенем. Каждый вновь приходящий проталкивает своего предшественника глубже в землю. Здесь мучается папа Николай III Орсини, ожидающий Бонифация VIII. В четвертой яме колдуны, прорицатели и волшебники; у них головы вывернуты назад, и они плачут, орошая слезами собственные спины. В пятой яме в кипящей смоле варятся лихоимцы и преступники по службе; при первой попытке выбраться из смолы черти подхватывают их на вилы. Черти ведут себя столь буйно, что Вергилию едва удастся уберечь Данте от их покушений. В шестой яме лицемеры; на них надеты свинцовые мантии, давящие своей тяжестью, но зато позолоченные сверху. В седьмой – во-

ры, отданные в добычу змеям. В этом месте (XXIV песнь) Ванни Фуччи бросает Данте второе пророчество, предсказывающее торжество «черных». В восьмой яме злые советники, каждый из них заключен в огромный гудящий огненный столб. Здесь эпизоды с Одиссеем (XXVI песнь) и с Черным херувимом Гвидо да Монтефельтро (XXVII песнь). В девятой яме распространители религиозных лжеучений и виновники политических интриг. Их беспрестанно поражает мечом демон. Среди мучающихся – Магомет с рассеченной грудью, трубадур Бертран де Борн, который держит в высоко поднятой руке собственную голову, и Моска деи Ламберти, один из виновников распри между гвельфами и гибеллинами во Флоренции. В десятой яме подделыватели в собственном зловонии.

Между восьмым и девятым кругами находятся в каменных колодках гиганты, восставшие против Юпитера. Один из них, Антей, спускает поэтов в десятый, последний круг ада, где казнятся изменники. Он в самом центре земли и представляет собой покрытое льдом озеро, куда вливается четвертая, текущая в аду река Коцит. В этом круге тоже четыре отделения. В первом (Каина) – убийцы близких родственников, во втором (Аntenора) – изменники родине, в третьем (Птолемя) – изменники друзьям, в четвертом (Джудекка) – восставшие против бога. Здесь (XXXIII песнь) страшная повесть графа Уголино о башне голода и изображение Люцифера, который в тройной пасти грызет трех са-

мых больших предателей: Брута и Кассия, изменивших Цезарю, и Иуду, предавшего Христа (песнь XXXIV).

Цепляясь за обледенелую шерсть Люцифера, поэты попадают в колодезь, пробитый им при падении с неба, и, с трудом карабкаясь, выходят на поверхность южного полушария, к подножию горы чистилища, окруженной океаном. Их встречает Катон Утический, заставляет омыться росой от адской копоти и подготовиться к восхождению на гору. Ангел приводит лодку, полную очищающихся душ, и Данте с радостью узнает музыканта Казеллу. Подойдя к горе, поэты встречают короля Манфреда, которого Данте не осудил за ересь и допустил к очищению. В начале подъема очищаются ленивцы, а за ними погибшие насильственной смертью. Пятая песнь «Чистилища» содержит эпизоды с Буонконте Монтефельтро и Пией деи Толомеи, а в VI песне представит скульптурная фигура Сорделло и поется осанна империи. Поэт засыпает, и во сне он перенесен ко входу в чистилище. В нем семь кругов по числу семи смертных грехов: ангел мечом ставит на челе у Данте семь латинских букв Р (reccatum – грех). Они стираются по одной после прохождения каждого круга. В первом круге чистилища – души гордецов, несущие тяжести. Во втором – завистники; веки их сшиты железными нитками, и они не могут их разомкнуть. В третьем – гневные; они находятся в густом дыму. В четвертом – ленивые духом, или унылые; недостаточно деятельные в любви к благу, они должны без отдыха бегать. В пятом – скупцы с ли-

цами, устремленными в землю. Здесь вдруг раздается гул, и вся гора содрогается от ударов землетрясения – это знак, что одна из душ чистилища освободилась и будет возноситься в рай. Ею оказывается римский поэт Стаций, вместе с которым поэты приходят в шестой круг, круг скупых и обжор. В XXIII песне – эпизод с Форезе Донати, иссохшим от голода. В седьмом – сластолюбцы, находящиеся в огне. Данте тоже проходит очищение огнем вместе с Гвидо Гвиницелли, Вергилием и Стацием. После очищения с его чела стирается последнее Р. Он (XXX песнь) расстается с Вергилием, ибо это граница земного рая, недоступного для нехристиан. Беатриче должна была появиться, принося с собой весь груз сложной богословской символики, чтобы заступить место Вергилия, язычника, которому заказаны пути в земной рай.

Одна из них, в Капоккио вонзя
Под горлом зубы, повлекла злодея
По камням дна, терзая и разя

Данте видит колесницу торжествующей церкви, влекомую Грифоном. На ней Беатриче. Она называет поэта по имени, упрекает его за измену ей и приглашает покаяться в грехе сладострастия. Данте повинуется. После этого, созерцая различные символические видения, он просветляется духом и, окунувшись сначала в Лету, реку забвения, потом в Эвное (ясное понимание), становится готов ко вступлению в рай, куда и ведет его Беатриче.

Рай населен не так густо. Души праведников собраны вместе у подножия господнего трона, но они витают по всем сферам, где Данте их встречает и ведет с ними беседы. На Меркурии император Юстиниан («Рай», песнь XI) прославляет Римскую империю. На Солнце Фома Аквинский восхваляет учителей церкви и рассказывает житие св. Франциска, а францисканец Бонавентура восхваляет главу ордена, к которому принадлежит Фома, – св. Доминика. На Марсе появляется перед Данте его предок Каччагвида и начинается длинная беседа. Из нее Данте еще раз узнает о своей судьбе (песни XV–XVIII). На Юпитере поэт видит орла, составленного из праведных душ, подвергающих суровому осуждению королей и властителей. На Сатурне кардинал Пьетро Дамини громит пороки духовенства, а св. Петр раздражается гневом по поводу деяний последних пап: Бонифация, Климента V, Иоанна XXII. Наконец, в Эмпирее, в центре мистической Розы, в непосредственной близости к богу, Данте созерцает престол, приготовленный для героя его надежд – Генриха VII. Там св. Бернард возносит свою молитву к Мадонне и взору поэта являются богоматерь и троица.

Чтобы вдохнуть жизнь в эту необъятную схоластическую аллегорию, чтобы влить трепет действительности в эту отвлеченную схему, нужен был грандиозный поэтический гений. «Комедия» недаром звучит для всех времен. Недаром каждая эпоха находит в ней что-нибудь родное. Для современников «Комедия» была либо по-настоящему божествен-

ною книгою – ведь это они нарекли ее «божественной» вскоре после смерти поэта, – где они искали живого личного отношения к божеству, как в мистических учениях ересей и во францисканской религии любви; либо энциклопедией, вместившей в себя огромное количество знаний «моральных, естественных, астрологических, философских, богословских» (Дж. Виллани). Для потомства «Комедия» прежде всего грандиозный синтез феодально-католического мировоззрения и столь же грандиозное прозрение новой культуры. Кроме того, «Комедия» – одно из величайших художественных произведений, стоящее в одном ряду с поэмами Гомера, с трагедиями Эсхила, с лучшими драмами Шекспира, с «Фаустом» Гете.

Отец! насытись нами: тем страданье
Нам утолив

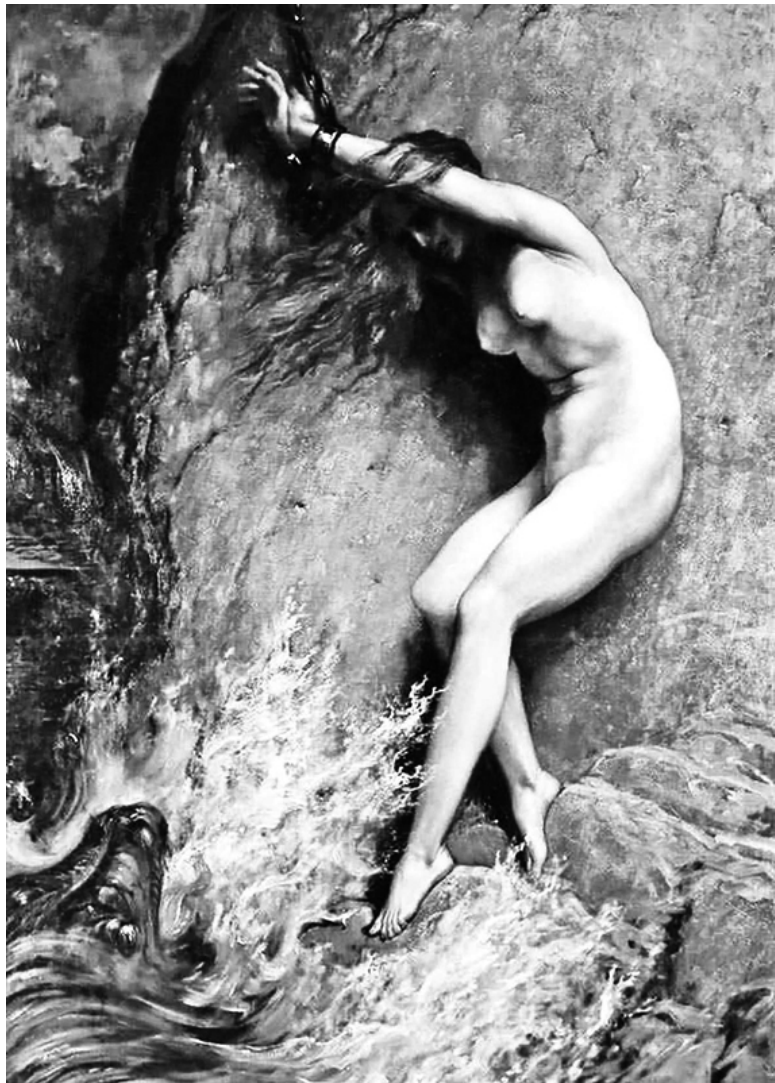
Иллюстрации Гюстава Доре как самостоятельное произведение искусства

Проиллюстрировать «Божественную комедию» Данте пытались многие. Но ни один из мастеров не оставил такого неизгладимого следа в нашем коллективном воображении, как Гюстав Доре. Гравюры французского художника к поэме великого флорентийца – несомненная творческая удача в истории мирового искусства, явившая миру уникальную «встречу» двух талантов – художника и поэта.

В одном из французских журналов XIX века вскоре после публикации «Иллюстрированного Инферно», гравюр Доре к первой части «Божественной комедии» Данте, было написано: «Мы склонны полагать, что концепция и интерпретация поэмы исходят из одного и того же источника. Перед нами мистический и торжественный диалог Данте Алигьери и Гюстава Доре об inferнальных тайнах потустороннего, открывшихся их проницательным душам во время этого сложного исследовательского путешествия».

Гюстав Доре. Искушение Христа

Гюстав Доре. Андромеда

Знаменитая аллегорическая поэма в современном восприятии неразрывно связана именно с иллюстрациями великого Доре. Даже сегодня, более чем полтора века спустя после первой публикации его гравюр, интерпретация «Божественной комедии», предложенная французским художником, все еще определяет наше видение поэмы.

Гюстав Доре. Шотландский пейзаж

Гюстав Доре родился в Страсбурге 6 января 1832 года. Мать его, урожденная Александрина Плюшар, происходила из зажиточной буржуазной семьи. Его отец, Пьер-Луи Доре, был сыном офицера наполеоновской армии, погибшего при Ватерлоо.

Квартира семьи Доре находилась в старом доме с высокой крышей на одной из улиц, выходивших к готическому собору. Узкие улицы, высокие старинные дома с двумя-тремя слуховыми окнами, увенчанные черепичными крышами, – вот типичный облик Страсбурга первой половины XIX в.

От детских впечатлений о величественном соборе у взрослого Доре чувство необъятности пространства. Так возникла романтическая любовь к архитектуре прошлых веков, что позднее скажется в его творчестве, и особенно сильно в ранних работах – иллюстрациях к Рабле и Бальзаку.

В 1841 г. Семья Доре переезжает в Бур, куда переводят отца – инженера-мостостроителя.

Бур, окруженный со всех сторон громадами Вогец и сосновыми лесами, извилистые улочки города, монастыри, старинный собор – все будило воображение юного художника. Гюстав рисовал все свободное время, покрывая стены и полы рисунками. Отец с тревогой следил за артистическими упражнениями сына – он хотел, чтобы Доре поступил в политехническую школу. Чтобы отвлечь его от рисования, отец покупает ему скрипку, но это только способствовало выявлению другого дара Гюстава – музыкального. До конца своих дней он виртуозно владел скрипкой.

Во время одной из поездок в Париж мать показала некоторые из рисунков сына знаменитому художнику Орасу Берне, который отметил талантливость юного Гюстава.

В 1847 15-летний Доре вместе с родителями приезжает

в Париж.

Втайне от них юноша отправился к издателю Шарлю Филипону и показал свои рисунки. Филипон сразу же угадал в нем многообещающее разностороннее дарование и посоветовал родителям оставить сына в Париже. Но только через несколько месяцев, после скоропостижной кончины отца, Доре вместе с матерью переселяется в Париж. Юный художник сразу же отправился к Филипону с новой серией рисунков «Подвиги Геркулеса». Филипон принимает его в число сотрудников газеты «Карикатюр».

Гюстав Доре. Красная шапочка

Работа карикатуриста помогла Доре глубже изучить жизнь. Несомненно, что работая у Филипона, он овладел изумительным мастерством в изображении массовых сцен. Гюстав Доре обладал поразительной способностью зримо представлять слово. Созданный им образ не рабски следовал за текстом, но приобретал самостоятельную ценность, обусловленную высоким художественным качеством. Художник владел даром мгновенной импровизации, способностью настраиваться на ту тональность, которая была характерна для иллюстрируемого им автора.

Гюстав Доре. Паоло (Малатеста) и Франческа да Римини

У Доре была феноменальная зрительная память, позволявшая ему легко справляться с любой технической трудностью. «Я припоминаю» – было девизом художника. Биограф проводит следующий факт. Однажды друг Доре фотографировал собор, а художник пристально этот собор рассматривал. Затем уже дома, в то время, пока проявляли фотографию, Доре нарисовал его по памяти. Сравнение рисунка и фотографии обнаружило – к изумлению фотографа, – что в рисунке не упущено ни одной детали.

В 1853 году Доре добивается одобрения своего издателя на иллюстрирование сочинений Рабле (согласно договору, Доре имел право рисовать только карикатуры), которые должны были выходить в виде серий. Так, в 1854 году появляется дешевое издание «Сочинений Рабле с иллюстрациями Гюстава Доре». «Это была, – вспоминал позже художник, – первая моя вещь, которая произвела сенсацию».

Вслед за этими листами Доре создает циклы гравюр к «Озорным рассказам» Бальзака, к «Дон Кихоту» Сервантеса, «Сказкам» Перро, которые сразу же выдвинули его в число ведущих мастеров иллюстрации XIX века.

В 1855 году Гюстав Доре начинает работу над серией иллюстраций к «Божественной комедии» Данте Алигьери, открыв тем самым грандиозный творческий проект «Шедевры литературы». Гюставу было тогда всего 23 года. Помимо

«Божественной комедии» в список Доре вошли также Гомер, Оссиан, Байрон, Гете, Расин и Корнель. То, что Данте оказался в начале этого списка, отражает популярность итальянского поэта во французской культуре середины XIX века.

Первоначально интерес французских читателей к «Божественной комедии» ограничивался эпизодами «Паоло и Франческа» (Ад. V) и «Уголино» (Ад. XXXIII).

В XIX веке поэма Данте приобретает все большую популярность: возникают многочисленные переводы комедии на французский язык, в газетах и специализированных журналах появляется серия критических исследований. Но и это еще не все. Между 1800 и 1830 годами возникает более 200 произведений живописи и скульптуры, посвященных знаменитой поэме.

Приступая к работе над иллюстрациями к поэме Данте, Доре, несмотря на свою молодость, уже был самым высокооплачиваемым иллюстратором во Франции и имел за плечами популярные издания Франсуа Рабле и Оноре де Бальзака. Однако убедить своего издателя Луи Ашетта профинансировать столь амбициозный и дорогостоящий проект он все-таки не смог. Поэтому публикацию первой книги 1861 года финансировал сам художник.

Выход «Иллюстрированного Инферно» в 1861 году сопровождался огромным успехом. Луи Ашетт вызвал Доре срочной телеграммой: «Успех! Давай быстрее! Я осел!»

Вскоре, опираясь на растущую популярность Гюстава До-

ре, издательский дом «Ашетт» опубликовал иллюстрации к двум другим частям «Божественной комедии» – «Чистилище» и «Рай» – в одном томе. Популярность поэмы Данте во Франции еще более возросла.

Впоследствии гравюры Доре к «Божественной комедии» появились примерно в 200 изданиях, а переводы с итальянского оригинала стали доступны на нескольких языках.

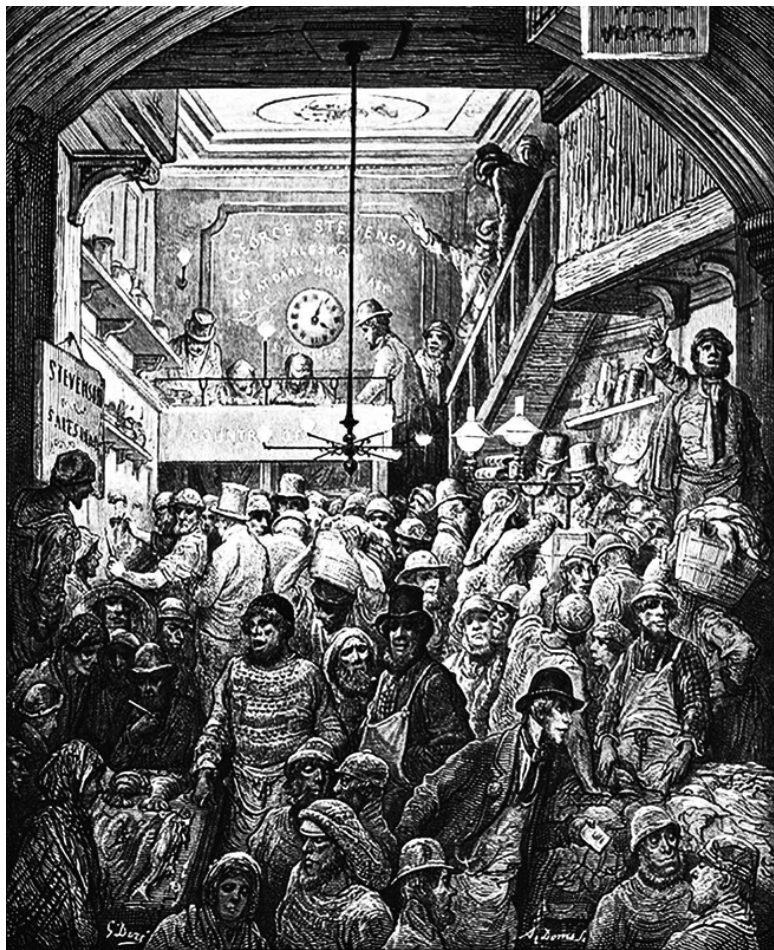
Иллюстрируя поэму Данте, французский художник отыскал интересное и оригинальное сочетание стилей. В его гравюрах переплетаются черты ренессансного стиля (прежде всего Микеланджело) с элементами северной пейзажной традиции и современной Доре французской поп-культуры.

О, не забудь ты и меня: я Пия!

Позднее художник проиллюстрировал множество других книг – от Библии до «Ворона» Эдгара По. Тем не менее его звездным часом все-таки была «Божественная комедия» Данте.

Большую роль в жизни и творчестве Доре сыграла поездка в Англию в конце 1860-х гг., результатом которой явился цикл гравюр к альбому «Лондон». Работа над этим циклом была прервана в 1870 г. из-за начавшейся франко-прусской войны. Большинство работ, созданных Доре в эти годы, составляют аллегорические картины на библейские и антивоенные темы.

Гюстав Доре. Биллинггейтский рынок после открытия. Из серии Лондон

Творческая активность не покидала Доре до конца его жизни. В течение последнего десятилетия он создавал не только графические листы и иллюстрации, но и полотна колоссальных размеров, гигантские скульптуры, среди которых наиболее интересен памятник Александру Дюма, выполненный в 1882 г. и торжественно открытый в 1884 г. в Париже. Дюма изображен сидящим в кресле: на одной стороне цоколя представлена группа людей, читающих книги Дюма, на другой изображен Д'Артаньян.

Умер Доре в 1885 году от апоплексического удара в возрасте 51 года.

Перевод Мина и царская цензура

При первой публикации полного перевода «Ада», которая пришлось на годы «мрачного семилетия», переводчик и его издатель столкнулись с серьезными цензурными препятствиями.

Посылая в Петербург перевод «Ада», председатель Московского цензурного комитета в рапорте от 27 сентября 1852 г. излагал свои сомнения:

«Во всей поэме господствует смешение понятий христианских с языческими, постоянное сближение мифологических вымыслов с истинами христианской религии и изъявление равной веры и равного уважения как к тем, так и к другим. Так, напр., во второй песне сошествие в Ад и Рай Энея принимается поэтом за такую же истину, как и восхищение на небо Апостола Павла <...> посему, согласно с заключением Комитета <...> поэма Данта не может быть напечатана без разрешения Главного Управления Цензуры».

21 октября 1852 г. Главное управление направило рукопись перевода цензору Н. Родзянко, который в своем отзыве высказывает мнение, что произведение Данте вполне допустимо к чтению. Однако рецензент отметил в рукописи перевода несколько «неуместных выражений», к которым он там же «присовокупил замечания», почему именно считает их «неудобными к печатанию».

Главное управление, рассмотрев этот отзыв определило допустить к печати представленный перевод «с изменением или пропуском более резких и неблагопристойных мест по усмотрению Московского цензурного комитета», и рекомендовало «обратить внимание цензора на места, отмеченные в рукописи». В результате 20 терцин оказалось изъятым в напечатанном переводе.

Получив цензурное разрешение, Погодин должен был начать печатание «Ада» заново, и на протяжении 1853 г. в «Москвитянине» был опубликован весь перевод. Закончив публикацию в журнале, Погодин решил издать перевод Мина отдельной книгой. В связи с этим С. П. Шевырев обратился 1 февраля 1855 г. к министру просвещения Норову с просьбой «разрешить публикацию изъятых из перевода строк под его просвещенное покровительство».

А. С. Норов, большой почитатель итальянской литературы, разрешил печатать запрещенные ранее терцины, отметив, что «они могут быть одобрены к напечатанию, во внимание к древности и высокому достоинству означенной поэмы...».

Шевырев передал ответ министра Погодину, но издатель уже не успел воспользоваться этим разрешением. Книга была сверстана по готовому набору из «Москвитянина» (цензурное разрешение на ее издание подписано 25 февраля), и вскоре она вышла в свет с теми же купюрами в тексте.

В настоящем издании все изъятые цензурой стихи и тер-

цины восстановлены по списку, сделанному рукой Мина, который прилагался к письму Шевырёва.

Несмотря на появление во второй половине XIX в. еще нескольких стихотворных переводов «Ада», миновский перевод оставался лучшим, о чем свидетельствует и высказывание Валерия Брюсова в 1905 г. Высоким признанием труда Мина явилось и присуждение его переводу «Божественной комедии» в 1907 г. премии имени А. С. Пушкина.

Ад

*Перевел с итальянского размером подлинника Дмитрий
Мин*

Песнь I

Содержание. Уклонившись в глубоком сне с прямой дороги, Данте пробуждается в темном лесу, при слабом мерцании месяца идет далее и перед дневным рассветом достигает подошвы холма, которого вершина освещена восходящим солнцем. Отдохнув от усталости, поэт восходит на холм; но три чудовища – Барс с пестрою шкурою, голодный Лев и тощая Волчица, преграждают ему дорогу. Последняя до того устрашает Данта, что он уже готов возвратиться в лес, как внезапно появляется тень Virgilия. Данте умоляет ее о помощи. Virgilий, в утешение ему, предсказывает, что Волчица, так его испугавшая, скоро погибнет от Пса, и для выведения его из темного леса предлагает ему себя в провожатые в странствии через Ад и Чистилище, прибавляя, что если он пожелает взойти потом на Небо, то найдет себе возжатую, стократ его достойнейшую. Данте принимает его предложение и следует за ним.

1 В середине нашей жизненной дороги,
Объятый сном, я в темный лес вступил,
Путь истинный утратив в час тревоги.

4 Ах! тяжело сказать, как страшен был
Сей лес, столь дикий, столь густой и лютый,
Что в мыслях он мой страх возобновил.

7 И смерть лишь малым горше этой смуты!
Но чтоб сказать о благости Небес,
Все расскажу, что видел в те минуты.

10 И сам не знаю, как вошел я в лес:
В такой глубокий сон я погрузился
В тот миг, когда путь истинный исчез.

13 Когда ж вблизи холма я пробудился,
Где той юдоли¹ положён предел,
В которой ужас в сердце мне вселился, —

¹ Юдоль: 1) *устар.* — долина, равнина; 2) *устар.* — жизненный путь с его заботами, трудностями и печальями; 3) *устар., перен.* — место, где страдают, мучаются, терпят нужду; 4) *устар., перен.* — жребий, удел, участь кого-либо (обычно печальные).

И сам не знаю, как вошел я в лес

16 Я, вверх взглянув, главу холма узрел
В лучах планеты, что прямой дорогой
Ведет людей к свершенью добрых дел.

19 Тогда на время смолк мой страх, так много
Над морем сердца бушевавший в ночь,
Что протекла с толикою тревогой.

22 И как успевши бурю превозмочь,
Ступив чуть дышащий на брег из моря,
С опасных волн очей не сводит прочь,

25 Так я, в душе еще со страхом споря,
Взглянул назад и взор вперил туда,
Где из живых никто не шел без горя.

28 И отдохнув в пустыне от труда,
Я вновь пошел, и мой оплот опорный
В ноге, стоящей ниже, был всегда.

31 И вот, почти в начале крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барс и легкий и проворный.

34 Чудовище не убегало с глаз;
Но до того мне путь мой преграждало,
Что вниз сбегать я помышлял не раз.

37 Уж день светал, и солнце в путь вступало
С толпою звезд, как в миг, когда оно
Вдруг от любви божественной прияло

40 Свой первый ход, красой озарено;
И все надеждою тогда мне льстило:
Животного роскошное руно,

...Несётся Барс и лёгкий и проворный

43 Час утренний и юное светило.

Но снова страх мне в сердце пробудил
Свирепый Лев, представший с гордой силой.

46 Он на меня, казалось, выходил,

Голодный, злой, с главою величавой,
И, мнилось, воздух в трепет приводил.

49 Он шел с Волчицей, тощей и лукавой,

Что, в худобе полна желаний всех,
Для многих в жизни сей была отравой.

52 Она являла столько мне помех,

Что, уstraшен наружностью суровой,
Терял надежду я взойти наверх.

55 И как скупец, копить всегда готовый,

Когда придет утраты страшный час,
Грустит и плачет с каждой мыслью новой:

58 Так зверь во мне спокойствие потряс,

И, идя мне на встречу, гнал всечасно
Меня в тот край, где солнца луч угас.

61 Пока стремглав я падал в мрак ужасный,

Глазам моим предстал неожиданный друг,
От долгого молчания безгласный.

64 «Помилуй ты меня! – вскричал я вдруг,
Когда узрел его в пустынном поле, —
О кто б ты ни был: человек, иль дух?»

67 И он: «Я дух, не человек я боле;
Родителей Ломбардцев я имел,
Но в Мантуе рожденных в бедной доле.

70 *Sub Julio* я поздно свет узрел,
И в Риме жил в век Августов счастливый;
Во дни богов в лжеверье я коснел.

73 Я был поэт, и мной воспет правдивый
Анхизов сын, воздвигший новый град,
Когда сожжен был Илион кичливый.

76 Но ты зачем бежишь в сей мрак назад?
Что не спешишь на радостные горы,
К началу и причине всех отрад?

79 «О, ты ль Virgiliy, тот поток, который
Рекой широкой катит волны слов? —
Я отвечал, склонив стыдливо взоры. —

82 О дивный свет, о честь других певцов!
Будь благ ко мне за долгое ученье
И за любовь к красе твоих стихов.

85 Ты автор мой, наставник в песнопенье;
Ты был один, у коего я взял
Прекрасный стиль, снискавший мне хваленье.

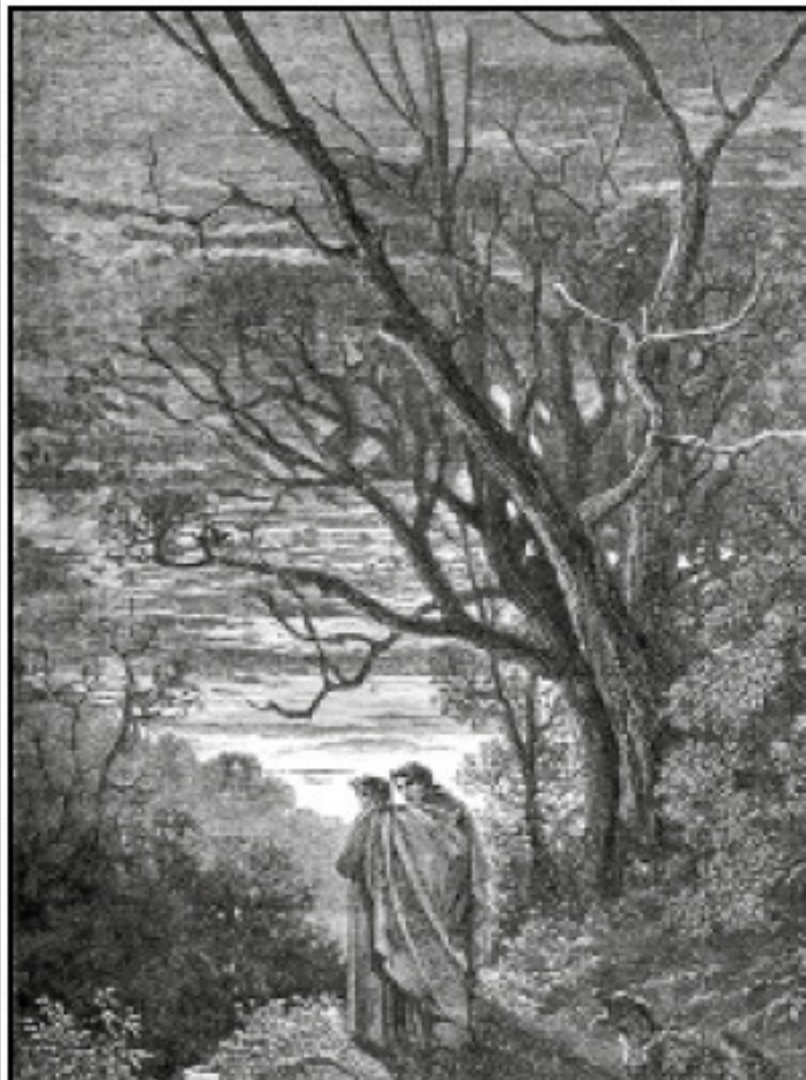
88 Взгляни: вот зверь, пред ним же я бежал...
Спаси меня, о мудрый, в сей долине
Он в жилах, в сердце кровь мне взволновал».

91 «Держать ты должен путь другой отныне, —
Он отвечал, увидев скорбь мою, —
Коль умереть не хочешь здесь в пустыне.

94 Сей лютый зверь, смутивший грудь твою,
В пути своем других не пропускает,
Но, путь пресекши, губит всех в бою.

97 И свойством он столь вредным обладает,
Что, в алчности ничем не утолен,
Вслед за едой еще сильней толкает.

100 Он с множеством животных сопряжен,
И с многими еще совокупится;
Но близок Пес, пред кем издохнет он.

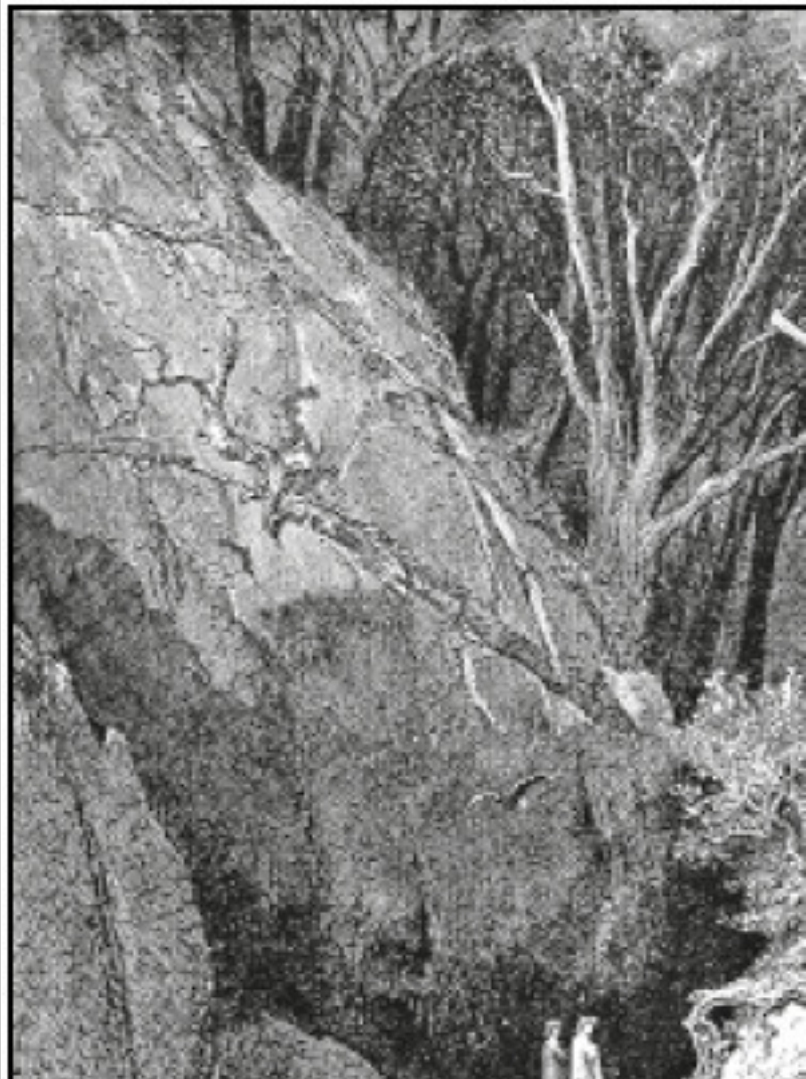
Взгляни: вот зверь, пред ним же я бежал...

103 Не медь с землею Псу в пищу обратится,
Но добродетель, мудрость и любовь;
Меж Фельтро и меж Фельтро Пес родится.

106 Италию рабу спасет он вновь,
В честь коей дева умерла Камилла,
Турн, Эвриад и Низ пролили кровь.

109 Из града в град помчит Волчицу сила,
Доколь ее не заключит в аду,
Откуда зависть в мир ее пустила.

113 Так верь же мне не к своему вреду:
Иди за мною; в область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.

Здесь он пошел, и я во след за ним

115 Услышишь скорбь отчаянную, злую;
Сонм древних душ увидишь в той стране,
Вотще зовущих смерть себе вторую.

118 Узришь и тех, которые в огне
Живут надеждою, что к эмпирею²
Когда-нибудь взнесутся и они.

121 Но в эмпирей я ввесть тебя не смею:
Там есть душа достойнее стократ;
Я, разлучась, тебя оставлю с нею.

124 Зане³ Монарх, чью власть как супостат
Я не познал, мне ныне воспрещает
Вести тебя в Его священный град.

127 Он Царь везде, но там Он управляет:
Там град Его и неприступный свет;
О счастлив тот, кто в град Его вступает!»

130 И я: «Молю я сам тебя, поэт,
Тем Господом, Его ж ты не прославил, —
Да избегу и сих и горших бед, —

² Эмпирей, (от греч. *ἐμπυρος* – *огненный*): 1) в древних космогонических представлениях верхняя часть неба, наполненная огнём, сиянием, местопребывание богов; 2) высь, высота.

³ Зане, союз. (церк. устар.) – Ибо, для того, так как, потому что.

133 Веди в тот край, куда ты путь направил:
И вознесусь к вратам Петра святым,
И тех узрю, чью скорбь ты мне представил».

136 Здесь он пошел, и я вослед за ним.

Песнь II

Содержание. Наступает вечер. Данте, призвав муз в помощь, повествует, как в самом начале странствия родилось сомнение в душе его: достаточно ли в нем сил для смелого подвига. Вергилий укоряет Данта за малодушие и, ободряя на подвиг, объясняет ему причину своего пришествия: как в преддверии ада явилась ему Беатриче и как умоляла его спасти погибавшего. Ободренный этою вестью, Данте воспринимает свое первое намерение, и оба странника шествуют в предназначенный путь.

1 День отходил и сумрак пал в долины,
Всем на земле дозволив отдохнуть
От их трудов; лишь я один единый

День отходил и сумрак пал в долины

4 Готовился на брань – в опасный путь,
На труд, на скорбь, о чем рассказ правдивый
Из памяти дерзаю почерпнуть.

7 О высший дух, о музы, к вам призывы!
О гений, всё, что зрел я, опиши,
Да явится полет твой горделивый!

10 Я начал так: «Всю мощь моей души
Сперва измерь, поэт-путеводитель;
Потом со мной в отважный путь спеши.

13 Ты говорил, что Сильвиев родитель,
Еще живой и тленный, низходил
Свидетелем в подземную обитель.

16 Но если жребий так ему судил,
То вспомнив, сколько приобрел он славы
И кто сей муж, и как правдив он был, —

19 Почтет его достойным разум здравый:
Он избран был, чтоб некогда создать
Великий Рим и быть отцом державы, —

22 Державы той, где – подлинно сказать —
Престол священный сам Господь поставил
Наместникам Петровым восседать.

- 25 В сем странствии – ты им его прославил —
Узнал он путь к победе над врагом
И тем тиару папам предоставил.
- 28 Сосуд избранья в небе был потом,
Да снищет там той вере подкрепление,
Что мир ведет спасения путем.
- 31 Но мне ль идти? Кто дал соизволение?
Я не Эней, не Павел; сам не зрю,
И кто ж узрит во мне к тому влечение?
- 34 И так, коль дерзкий подвиг сотворю,
Страшусь, в безумие он мне вменится.
Мудрец, ясней поймешь, чем говорю».
- 37 Как тот, кто хочет, но начать страшится,
Полн новых дум, меняет замысл свой,
Отвергнув то, на что хотел решиться, —
- 40 Так я томился в мрачной дебри той,
И мысль свою, обдумав, кинул снова,
Хоть предан был вначале ей одной.
- 43 «Коль я проник вполне в значенье слова, —
Возвышенная мне сказала тень, —
Твоя душа познать боязнь готова.

46 Боязнь людей отводит каждый день
От честных подвигов, как призрак ложный
Страшит коня, когда ложится тень.

49 Но выслушай – и страх рассея тревожный, —
Что моего пришествия вина
И что открыл мне жребий непреложный.

52 Я с теми был, чья участь не полна;
Там, слыша голос Вестницы прекрасной,
Я спросил: что повелит она?

55 Светлей звезды в очах горел луч ясный,
И тихим, стройным языком в ответ
Она рекла как ангел сладкогласный:

58 “О Мантуи приветливый поэт,
Чья слава свет наполнила далеко
И будет в нем, пока продлится свет!

61 Любимец мой, но не любимец рока,
Препоны встретил на берегу пустом
И вспять бежит испуганный жестоко.

64 И я страшусь: так сбился он на нём,
Что уж не поздно ль я пришла с спасеньем,
Как в небесах была мне весть о том.

67 Подвигнись в путь и мудрым убежденьем

Все для его спасенья уготовь:
Избавь его и будь мне утешеньем,

70 Я, Беатриче, умоляю вновь;
Меня от звезд, куда стремлюсь желаньем,
Подвигла, речь вложив в уста, любовь.

73 Там, пред моим Владыкой, с состраданьем,
Поэт, я часто похваляюсь тобой”.
Умолкла тут... И начал я воззваньем:

Я, Беатриче, умоляю вновь...

76 – О благодать, которую одной
Наш смертный род превысил все творенья
Под небом, что свершает круг меньшей!

79 Так сладостны твои мне повеленья,
Что я готов немедля их свершить;
Не повторяй же своего моления.

82 Но объясни: как можешь нисходить
Без трепета в всемирную средину
От горних стран, куда горишь парить?

85 "Когда желаешь знать тому причину, —
Она рекла,⁴ – короткий дам ответ,
Почто без страха к вам схожу в пучину.

88 Страшиться должно лишь того, что вред
Наносит нам: какой же страх бесплодный,
Как не боязнь того, в чем страха нет?

91 Так создана я благостью Господней,
Что ваша скорбь меня не тяготит
И не вредит мне пламень преисподней.

94 Там некая Заступница скорбит

⁴ Рекла, рек (рёк), *гл.* (старин., церк.-слав., поэт.) – то же, что изрекать, говорить, возвещать, возглашать.

О том, к кому тебя я посылаю,
И для нее жестокий суд разбит."

97 Потом к Лючии обратила слово,
Рекла: "Твой верный ждет тебя в слезах,
И я отсель его тебе вверяю."

100 И Лючия, жестокосердых враг,
Подвигшись, мне вещала там, где вечно
С Рахилью древней воссежу в лучах:

103 – О Беатриче, гимн Творцу сердечный!
Спаси того, кто так тебя любил,
Что для тебя стал чужд толпе беспечной.

106 Не слышишь ли, как плач его уныл?
Не зришь ли смерть, с которой он сразился
В реке, пред ней же океан без сил? —

109 Никто так быстро в мире не стремился
От гибели, иль к выгодам своим,
Как мой полет от слов тех ускори́лся

112 С скамьи блаженной к пропастям земным —
Ты дал мне веру мудрыми словами,
И честь тебе и тем, кто внемлет им!"

115 Потом, сказав мне это, со слезами
Взор лучезарный возвела горе,

И я потек быстрейшими стопами.

118 И, как желала, прибыл к той поре,
Когда сей зверь пресек в пустынном поле
Твой краткий путь к прекрасной той горе.

121 Так что ж? зачем, зачем же медлит боле?
Что на сердце питаешь низкий страх?
Что сделалось с отвагой, с доброй волей...

124 Когда так бодрствуют на небесах
Блаженные три Девы над тобою
И я сулю тебе так много благ?

127 И как цветочки, стужею noctную
Согбенные, в серебре дневных лучей
Встают, раскрывшись, на ветвях главою, —

130 Так я воздвигся доблестью моею;
Столь дивная влилась мне в грудь отвага,
Что начал я, как сбросив груз цепей:

133 «О слава ей, подательнице блага!
О честь тебе, что правым словесам
Уверовал и не замедлил шага!

136 Так сердце мне с желаньем по стопам
Твоим идти возжег ты мудрым словом,
Что к первой мысли возвращаюсь сам.

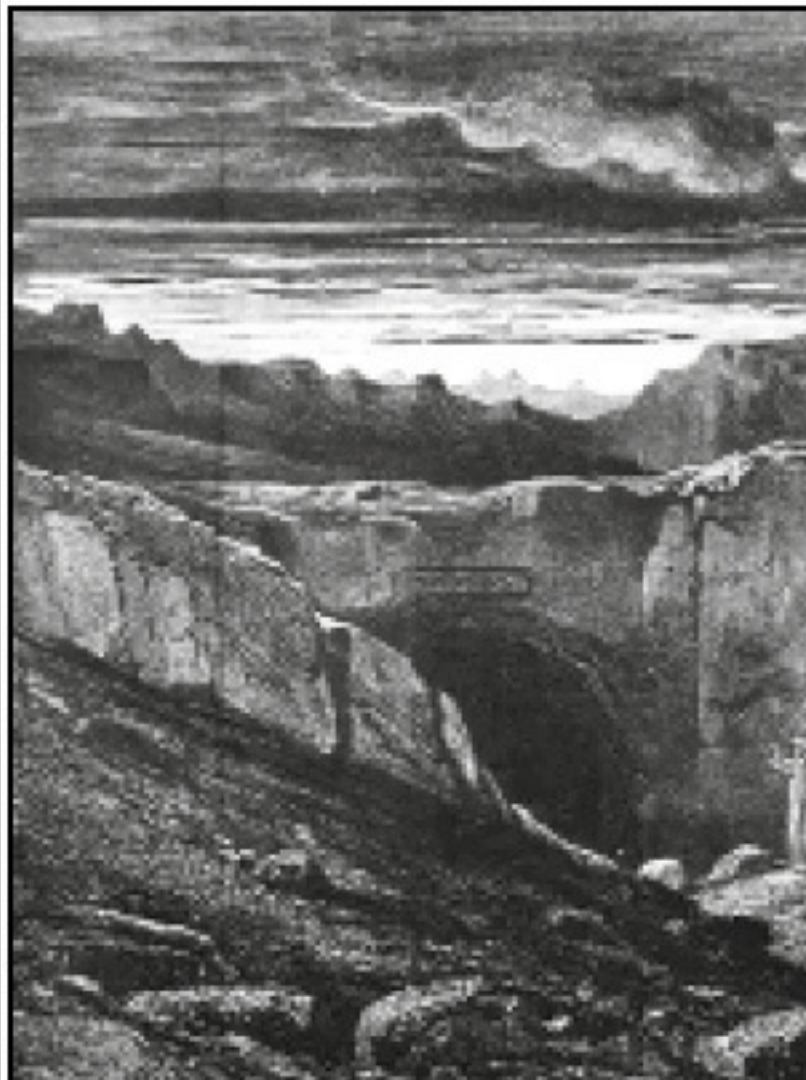
139 Идем: крепка надежда в сердце новом —
Ты вождь, учитель, ты мой властелин!»
Так я сказал, и под его покровом

142 Нисшел путем лесистым в мрак пучин.

Песнь III

Содержание. Поэты приходят к двери ада. Данте читает над нею надпись и ужасается; но, ободренный *Вирgiliем*, нисходит вслед за ним в мрачную бездну. Вздохи, громкий плач и крики оглушают Данта: он плачет и узнает от вождя своего, что здесь, еще вне пределов ада, наказуются среди вечного мрака души людей ничтожных, не действовавших, и трусов, с которыми смешаны хоры ангелов, не соблюдавших верность Богу и не принявших стороны Его противника. Затем поэты приходят к первой адской реке – Ахерону. Седовласый Харон, кормщик адский, не хочет принять Данта в свою ладью, говоря, что в ад проникнет он иным путем, и перевозит на другой берег Ахерона толпу умерших. Тогда потрясаются берега адской реки, поднимается вихрь, сверкает молния и Данте падает без чувств.

1 Здесь мною входят в скорбный град к мученьям,
Здесь мною входят к муке вековой,
Здесь мною входят к падшим поколениям.

Оставь надежду всяк, сюда идущий

4 Подвинут правдой вечный Зодчий мой:

Господня сила, разум всемогущий

И первые любви дух святой

7 Меня создали прежде твари сущей,

Но после вечных, и мне века нет.

Оставь надежду всяк, сюда идущий! —

10 В таких словах, имевших темный цвет,

Я надпись зрел над входом в область казни

И рек: «Жесток мне смысл ее, поэт!»

13 И как мудрец, вещал он, полн приязни:

«Здесь места нет сомненьям никаким,

Здесь да умрет вся суетность боязни.

16 Вот край, где мы, как я сказал, узрим

Злосчастный род, утративший душою

Свет разума со благом пресвятым». —

19 И длань⁵ мою прияв своей рукою

Лицом спокойным дух мой ободрил

И к тайнам пропасти вступил со мною.

⁵ Длань, *мн.* устар. — руки.

22 Там в воздухе без солнца и светил
Грохочат в бездне вздохи, плач и крики,
И я заплакал, лишь туда вступил.

25 Смесь языков, речей ужасных клики,
Порывы гнева, страшной боли стон
И с плеском рук то хриплый глас, то дикий,

28 Рождают гул, и в век кружится он
В пучине, мглой без времени покрытой,
Как прах, когда крутится аквилон.

31 И я, с главою ужасом повитой,
Спросил: «Учитель мой, что слышу я?
Кто сей народ, так горестью убитый?» —

34 И он в ответ: «Казнь гнусная сия
Карают тот печальный род, который
Жил без хулы и славы бытия.

37 С ним смешаны злых ангелов те хоры,
Что, за себя стоя лишь за одних,
Ни с адом в брань, ни с Богом шли в раздоры.

40 Да не сквернится, небо свергло их
И ад глубокий их извергнул племя,
Зане оно бесславно и для злых».

43 «Учитель, — я спросил, — какое ж бремя

Их вынуждает к жалобам таким?» —
И он: «Для них не стану тратить время,

46 Надежда смерти не блестит слепым,
А жизнь слепая так невыносима,
Что участь каждая завидна им,

49 Их в мире след исчез быстрее дыма;
Нет сострадания к ним, их суд презрел,
Что говорят об них? взгляни и – мимо!»

52 И я, взглянувши, зная там узрел:
Оно, бежа, взвивалось так сильно,
Что, мнилось, отдых – не ему в удел.

55 За ним бежал строй мертвых столь обильный,
Что верить я не мог, чтоб жребий сверг
Такое множество во мрак могильный.

57 И я, узнав там некоторых, вверх
Взглянул и видел тень того, который
Из низости великий дар отверг,

61 Я вмиг узнал – в том убеждались взоры, —
Что эту чернь презрели навсегда
Господь и враг, ведущий с Ним раздоры.

64 Презренный род, не живший никогда,
Нагой и бледный, был язвим роями

И мух и ос, слетавшихся туда.

67 По лицам их катилась кровь струями,
И, смешана с потоком слез, в пыли
У ног съедалась гнусными червями.

70 И я, напрягши зрение, вдали
Узрел толпу на берегу великой
Реки и молвил: «Вождь, благоволи

73 Мне объяснить: что значит сонм толикой⁶
И что влечет его со всех сторон,
Как вижу я сквозь мрак в долине дикой?»

76 «О том узнаешь, – отвечал мне он,
Когда достигнем берега крутого,
Где разлился болотом Ахерон».

79 И взор смущенный я потупил снова
И, чтоб вождя не оскорбить, к брегам
Реки я шел, не говоря ни слова.

82 И вот в ладье гребет навстречу нам
Старик суровый с древними власами,
Крича: «О горе, злые, горе вам!

85 Здесь навсегда проститесь с небесами:

⁶ Толика: 1) *разг.*, *без опр.* – небольшое, незначительное количество; 2) *разг.* значимая, но не преобладающая часть.

Иду повергнуть вас на том краю
В тьму вечную и в жар и хлад со льдами.

*И вот в ладье гребет на встречу нам
Старик суровый с древними власами*

88 А ты, душа живая, в сем строю,
Расстанься с этой мертвою толпою!»
Но увидав, что недвижим стою:

91 «Другим путем, – сказал, – другой волною,
Не здесь, проникнешь ты в печальный край:
Легчайший челн помчит тебя стрелою».

94 И вождь ему: «Харон, не воспрещай!
Так *там* хотят, где каждое желанье
Уж есть закон: старик, не вопрошай!»

97 Косматых щек тут стихло колыханье
У кормщика, но огненных колес
Усилилось вокруг очей сверканье.

100 Тут сонм теней, взволнованный хаос,
В лице смутился, застучал зубами,
Едва Харон суд грозный произнес, —

103 И проклинал родителей хулами,
Весь род людей, рожденья место, час
И семя семени с их племенами.

106 Потом все тени, в сонм един столпясь,
Навзрыд взрыдали на берегу жестоком,

Где будет всяк, в ком Божий страх угас.

109 Харон же, бес, как уголь сверкая оком,
Маня, в ладью вгоняет сонм теней,
Разит веслом отсталых над потоком.

112 Как осенью в лесу кружит борей
За листом лист, доколь его порывы
Не сбросят в прах всей роскоши ветвей:

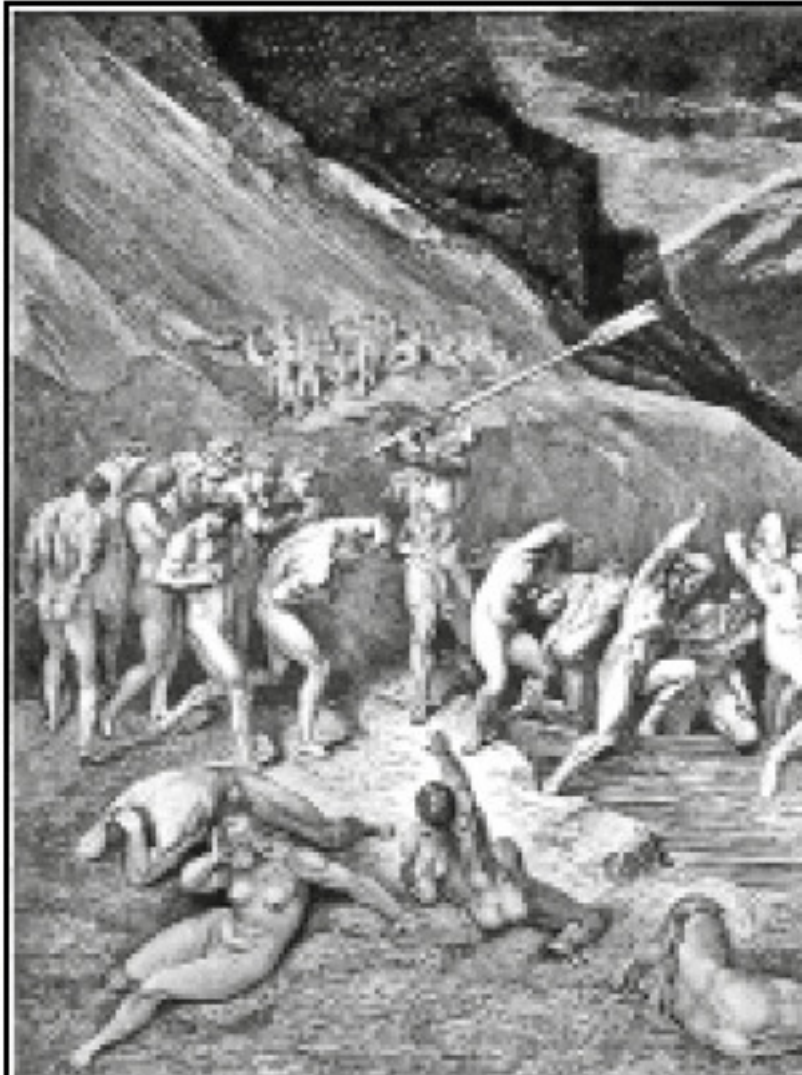
115 Подобно род Адамов нечестивый,
За тенью тень, метался с берегов,
На знак гребца, как сокол на призывы.

118 Так все плывут по мутной мгле валов,
И прежде чем взойдут на берег сонный,
На той стране уж новый сонм готов.

121 «Мой сын, – сказал учитель благосклонный, —
Пред Господом умершие в грехах
Из всех земель парят к реке бездонной

124 И чрез нее торопятся в слезах;
Их правосудье Божье побуждает
Так, что в желанье превратился страх.

127 Душа благая в ад не проникает,
И если здесь так встречен ты гребцом,
То сам поймешь, что крик сей означает».

*...род Адамов нечестивый,
За тенью тень, метался с берегов*

130 Умолк. Тогда весь мрачный дол кругом
Потрясся так, что хладный пот доныне
Меня кропит, лишь вспомню я о том.

133 Промчался вихрь по слезной сей долине,
Багровый луч сверкнул со всех сторон
И, чувств лишась, в отчаянной пучине

136 Я пал как тот, кого объемлет сон.

Песнь IV

Содержание. Оглушительный гром пробуждает Данта на противоположном берегу Ахерона, на краю бездны, из которой несутся страшные стоны, заставляющие бледнеть самого *Виргилия*. Они сходят в первый круг – преддверие ада, Лимб, жилище умерших до крещения младенцев и добродетельных язычников. Данте, сострадая им, спрашивает *Виргилия*: был ли кто-нибудь избавлен из этого круга? и узнает о сошествии Христа во ад и об избавлении праотцев: Адама, Авеля, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова и Рахили с детьми, Моисея, Давида и других. Беседуя, таким образом, поэты встречаются на внешней окружности Лимба, в совершенной темноте, бесчисленную толпу теней, которую Данте сравнивает с лесом: это души добродетельных, но неизвестных, не отмеченных славою язычников; они и в Лимбе остаются во мраке. Подаваясь далее к центру круга, Данте видит свет, отделяющий славных мужей древности от неизвестных. Из этого отдела Лимба, озаренного светом и окруженного семью стенами и прекрасным ручьем, раздаётся голос, приветствующий возвращающегося *Виргилия*, и вслед за тем три тени, Горация, Овидия и Лукана, под предводительством главы поэтов – Гомера, выступают к ним на встречу, приветствуют путников и, приняв Данта в свое число переходят с ним чрез ручей как по суше и чрез семь

ворот города. Возводят его на вечно-зеленеющий холм героев. Отсюда обозревает Данте всех обитателей города; но из них поименовывает преимущественно тех, кой имеют отношение к отчизне Энея – Трое и к основанной им Римской Империи. Над всеми возвышается тень Аристотеля, окруженная учеными по разным отраслям человеческих знаний: философами, историками, врачами, естествоиспытателями, математиками, астрономами, – людьми различных наций: греками, римлянами, арабами. Взглянув на героев и ученых языческой древности, Virgilius и Данте отделяются от сопровождавших их поэтов и сходят с зеленеющей горы Лимба во второй круг.

1 Громовый гул нарушил сон смущенный
В моей главе и, вздрогнув, я вскочил,
Как человек, насильно пробужденный.

4 И, успокоясь, взор я вкруг водил
И вглядывался пристально с стремнины,
Чтоб опознать то место, где я был.

7 И точно, был я на краю долины
Ужасных бездн, где вечно грохотал
Немолчный гром от криков злой кручины.

10 Так был глубок и темен сей провал,
Что я, вперив глаза в туман, под мглою
В нем ничего на дне не различал.

- 13 «Теперь сойду в слепой сей мир с тобою,»
Весь побледнев, так начал мой поэт. —
Пойду я первый, ты иди за мною».
- 16 Но я, узрев, как он бледнел, в ответ:
«О как пойду, коль духом упадаешь,
И ты, моя опора против бед!»
- 19 И он мне: «Казнь племен, в чей мир вступаешь,
Мне жалостью смутила ясный взгляд,
А ты за ужас скорбь мою считаешь.
- 22 Идем: вам путь чрез тысячи преград».
Так он пошел, так ввел меня в мгновенье
В круг первый, коим опоясан ад.
- 25 Там – сколько я расслушать мог в томленье —
Не плач, но вздохов раздавался звук
И воздух вечный приводил в волненье.
- 28 И был то глас печали, но не мук,
Из уст детей, мужей и жен, в долине
В больших толпах теснившихся вокруг.
- 31 Тут добрый вождь: «Почто ж не спросишь ныне,
Кто духи те, которых видишь там?
Узнай, пока придем мы к их дружине:

- 34 Безгрешные, за то лишь небесам
Они чужды, что не спаслись крещеньем, —
Сей дверью веры, как ты знаешь сам.
- 37 До христианства жив, они с смиреньем,
Как надлежит, не пали пред Творцем;
И к ним и я причтен святым веленьем.
- 40 Сим недостатком, не другим грехом,
Погибли мы и только тем страдаем,
Что без надежд желанием живем».
- 43 Великой скорбью на сердце снедаем,
Я видел здесь, у роковой межи,
Толпу теней, отвергнутую раем?
- 46 «Скажи, мой вождь, учитель мой, скажи! —
Так начал я, да утвержуся в вере,
Рассеявшей сомненье каждой лжи, —
- 49 Отверз ли кто себе к блаженству двери
Заслугою своей, или чужой?»
И, тайну слов постигнув в полной мере,

*Погибли мы и только тем страдаем,
Что без надежд желанием живем*

52 Он рек: «Я внове с этой был толпой,
Когда притек Царь силы, пламенея
Венцом победы, и вознес с Собой

55 Тень праотца к блаженствам эмпирея
И Авеля, и Ноя, и закон
Создавшего владыку Моисея.

58 Был Авраам, был царь Давид спасен,
С отцом Израиль и с детьми своими
Рахиль, для ней же столько сделал он,

61 И многие соделались святыми.
Но знай, до них никто из всех людей
Не пощажен судьба́ми всеблагими».

64 Так говоря, мы шли стезей своей
И проходили темный лес высокий,
Лес, говорю, бесчисленных теней

67 Еще наш путь отвел нас недалеко
От высоты, когда я огонь узрел,
Полуобъятый сводом мглы глубокой.

70 Еще далеко он от нас горел,
Но рассмотреть я мог уж с расстоянья

Почтенный сонм, занявший сей предел.

73 «Честь каждого искусства и познания!

Кто сей народ, возмогший приобрести
Такой почет от прочего собрания?»

76 И он в ответ: «Их имена и честь,

Что в жизни той звучат об них молвою,
Склонили небо так их предпочесть».

79 Меж тем раздался голос надо мною:

«Воздайте честь певцу высоких дум!
Отшедший дух нам возвращен судьбою».

82 И вот четыре призрака на шум

К нам двинулись, чтоб ввести в свою обитель:
Был образ их ни светел ни угрюм.

85 Тогда так начал мой благой учитель:

«Узри того, что шествует с мечом,
Ведя других как некий повелитель.

88 То сам Гомер, поэтов царь; потом

Гораций, бич испорченному нраву;
Назон с Луканом вслед идут вдвоем.

91 Одно нам имя всем снискало славу,

Как здесь о том вещал один глагол;
Затем и честь мне воздают по праву».

*Так собрались певцы прекрасных школ
Вокруг отца высокого творенья*

94 Так собрались певцы прекрасных школ
Вокруг отца высокого творенья,
Что выше всех летает как орел.

97 Поговорив друг с другом, знак почтенья
Мне воздали они: учитель мой
На то смотрел с улыбкой одобренья.

100 И был почтен я высшей похвалой:
Поставленный в их сонме, полном чести,
Я был шестым средь мудрости такой.

103 Так к свету шли мы шесть певцов все вместе,
Беседуя, но сказанных речей
Не привожу, в своем приличных месте.

106 Вблизи от нас был дивный град теней,
Семь раз венчанный гордыми стенами,
И вокруг него прекрасных волн ручей.

109 Пройдя поток как сушу с мудрецами,
Чрез семь ворот вошли мы в град, где луг
Муравчатый открылся перед нами.

112 С величием там тени бродят вокруг,
И строгое медлительно их око

И сладостен речей их редких звук.

115 Там, в стороне, взошли мы на высокий,
Открытый всюду, озаренный дол,
Отколе всех я видеть мог далеко.

118 На бархате лугов, я там нашел
Великих сонм, скитавшийся пред нами,
И, видя их, в восторг я вдруг пришел.

121 Электра там со многими друзьями,
Меж коих был и Гектор, и Эней,
И Цезарь, тень с сокольими очами.

124 Камилла там, Пентезилея с ней,
И царь Латин, поодаль восседавший
С Лавинией, со дщерью своей.

127 Там был и Брут, Тарквиния изгнавший,
Лукреция с Корнельей средь подруг
И Саладин, вдали от всех мечтавший.

130 Я взор возвел и мне явился дух —
Учитель тех, что в мудрость ум вперяют,
И с ним семья философов вокруг.

133 Все чтут его, все на него взирают;
Один Сократ с Платоном от других
К нему всех ближе место занимают.

136 И Демокрит, что мир судьбой воздвиг,
И Диоген, Зенон с Анаксагором,
И Эмпедокл, Орфей, Эвклид меж них;

139 Диоскорид, прославившийся сбором,
И Цицерон, и Ливий, и Фалес,
И моралист Сенека перед взором;

142 И Птоломей, измёритель небес,
И Гиппократ, с Галеном, с Авиценной,
И толкователь слов, Аверроэс.

145 Но кто ж исчислит весь их сонм почтенный?
Мой долгий труд торопит так меня,
Что часто речь полна несовершенно.

148 Тут лик шести умалился двумя,
И я вошел вслед за моим поэтом
Из тишины туда, где вихрь, шумя,

151 Кружит в стране, не озаренной светом.

Песнь V

Содержание. Поэты спускаются во второй круг ада, меньший пространством, но исполненный большей муки. При самом входе они встречают Миноса, адского судью, занятого распределением по аду грешников, к нему беспрестанно прибывающих. При виде Данта, Минос прерывает на время исполнение своей обязанности и напоминает живому пришельцу о дерзости его предприятия; но теми же словами, которыми укрощен был Харон, Вергилий укрощает и Миноса. Между тем жалобные крики грешников начинают становиться явственными. Это крики сладострастных: среди вечного мрака неистовый вихрь адский вечно носит их во все стороны. Из их числа Вергилий поименовывает Данту некоторых, преимущественно женщин; но особенное внимание возбуждают две тени, неразлучно носимые бурю – тень Паоло Малатеста ди Римини и жены его брата, Франчески. Данте призывает их, расспрашивает о причине их мучений, и одна из двух теней рассказывает ему о начале и трагическом конце своей преступной любви. Потрясенный до глубины сердца состраданием к их участи, Данте лишается чувств и падает как мертвый.

1 Так с первой мы спустилися ступени

Вниз во второй, пространством меньший, круг,

Где больше мук, от них же воют тени.

4 Скрежещет там Минос, ужасный дух,
Исследует грехи у входа, судит
И шлет, смотря как обовьется вкруг.

7 Я говорю: едва к нему прибудет
На покаянье злая тень и сей
Всех прегрешений вѣщатель рассудит:

10 Какое место в аде выбрать ей, —
Хвост столько раз он вкруг себя свивает,
На сколько вниз ниспасть ей ступеней.

...там Минос, ужасный дух,
Исследует грехи у входа...

13 Всегда пред ним их множество стелает:

Тень каждая ждет в очередь суда, —
Поведает, услышит, исчезает.

16 «О ты, пришлец в дом скорби и стыда!» —

Узрев меня, вскричал Минос ужасный,
Прервав заботу тяжкого труда. —

19 Взгляни, с кем ты дерзнул в сей путь опасный:

Пространством врат себя не обольщай!»
И вождь ему: «К чему ж твой крик напрасный?

22 Путь роковой ему не воспрещай!

Так *там* хотят, где каждое желанье
Уж есть закон: Минос, не вопрошай!»

25 Здесь явственней услышал я стенанье

Печальных душ: я был в стране теней,
Где так пронзило слух мой их рыданье.

28 Я был в краю, где смолкнул свет лучей,

Где воздух воет, как в час бури море,
Когда сразятся ветры средь зыбей.

31 Подземный вихрь, бушуя на просторе,

С толпою душ кружится в царстве мглы:

Разя, вращая, умножает горе.

34 Когда ж примчит к окраине скалы,
Со всех сторон тут плач и стон и крики,
На промысел божественный хулы.

37 И я узнал, что казни столь великой
Обречены плотские те слепцы,
Что разум свой затмили страстью дикой.

40 И как густой станицею⁷ скворцы
Летят, когда зимы приходит время:
Так буйный ветер несет во все концы,

43 Туда, сюда, вниз, кверху злое племя;
Найти покой надежды все прошли,
Не облегчается страданий бремя!

46 И как, крича печально, журавли
Несутся в небе длинною чертою, —
Так поднята тем ветром от земли

49 Толпа теней и нет конца их вою.
И я спросил: «Какой ужасный грех
Казнится здесь под темнотой ночною»?

52 И мне учитель: «Первая из тех,
О коих ты желаешь знать, когда-то

⁷ Станицы – стаи (обычно перелетных птиц).

Владычица земных наречий всех, —

55 Так сладострастием была объята,
Что, скрыть желая срам свой от граждán,
Решилась быть потворницей разврата, —

58 Семирамиду видишь сквозь туман;
Наследовав от Нина силу власти,
Царила там, где злобствует султан.

61 Другая грудь пронзила в дикой страсти,
Сихею данный позабыв обет;
С ней Клеопатра, жертва сладострастий.

64 Елена здесь, причина стольких бед;
Здесь тот Ахилл, воитель быстроногий,
Что был сражен любовью средь побед;

67 Здесь и Парис, здесь и Тристан...» И много
Мне указал и на́звал он теней,
Низвергнутых в сей мир любовью строгой.

70 Пока мой вождь мне исчислял царей
И рыцарей и дев, мне стало больно
И обморок мрачил мне свет очей.

73 «Поэт, — я начал, — мысль моя невольно
Устремлена к чете, парящей там,
С которой вихрь так мчится произвольно».

76 И он: «Дождись, когда примчатся к нам:
Тогда моли любовью, их ведущей, —
И прилетят они к твоим мольбам».

79 Как скоро к нам принес их ветер ревуший,
Я поднял глас: «Не скрой своей тоски,
Чета теней, коль то велит Всесущий!»

82 Как на призыв желанья, голубки
Летят к гнезду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нежны и легки,

...«мысль моя невольно

Устремлена к чете, парящей там

85 Так, разлучась с толпою, где Дидона,
Сквозь мрак тлетворный к нам примчались вновь —
Так силен зов сердечного был стона!

88 «О существо, постигшее любовь!
О ты, который здесь во тьме крошечной
Увидел нас, проливших в мире кровь!

91 Когда б Господь внимал молитве грешной,
Молили б мы послать тебе покой
За грусть о нашей скорби неутешной.

94 Что скажешь нам? что хочешь знать? открой:
Все выскажем и выслушаем вскоре,
Пока замолк на время ветра вой.

97 Лежит страна, где я жила на горе,
У взморья, там, где мира колыбель
Находит По со спутниками в море.

100 Любовь, сердец прекрасных связь и цель,
Моей красой его обворожила
И я, лишась ее, грущу досель.

103 Любовь, любимому любить судила
И так меня с ним страстью увлекла,

Что, видишь, я и здесь не разлюбила.

106 Любовь к одной нас смерти привела;
Того, кем мы убиты, ждут в Кайне!» —
Так нам одна из двух теней рекла.

109 Склонив чело, внимал я о причине
Мучений их, не подымал главы,
Пока мой вождь: «О чем ты мыслишь ныне?»

Любовь к одной нас смерти привела

112 И, дав ответ, я продолжал: «Увы!

Как много сладких дум, какие грезы

Их низвели в мученьям сей толпы?»

115 И к ним потом: «Твоей судьбы угрозы

И горестный, Франческа, твой рассказ

В очах рождает сострадания слезы.

118 Но объясни: томлений в сладкий час

Чрез *что* и *как* неясные влеченья

Уразуметь страсть научила вас?»

121 И мне она: «Нет большего мученья,

Как о поре счастливой вспоминать

В несчастьи: твой вождь того же мненья.

124 Ты хочешь страсти первый корень знать?

Скажу, как тот, который весть печали

И говорит, и должен сам рыдать.

127 Однажды мы, в миг счастья, читали,

Как Ланчелот в безумии любил:

Опасности быть вместе мы не знали.

130 Не раз в лице румянца гаснул пыл

И взор его встречал мой взор беспечный;

Но злой роман в тот миг нас победил,

133 Когда прочли, как поцелуй сердечный
Был приманён улыбкою к устам,
И тот, с кем я уж не расстанусь вечно,

136 Затрепетав, к моим приникнул сам...
Был Галеотто автор книги гнусной!..
В тот день мы дальше не читали там!»

И пал без чувств, как падает мертвец

139 Так дух один сказал, меж тем так грустно
Рыдал другой, что в скорби наконец
Я обомлел от повести изустной

132 И пал без чувств, как падает мертвец

Песнь VI

Содержание. Данте в третьем кругу ада. Здесь под градом, снегом и ливнем мутной воды казнятся обжоры, увязшие в грязной тине. Трехглавое чудовище Цербер, страж этого круга, хватает грешников, четвертует их, сдирает с них кожу. С яростью бросается он на поэтов; но горсть земли, брошенная Вергилием в тройную пасть чудовищу, укрощает его. Поэты идут далее, попирая грешников, смешанных в одну отвратительную кучу с грязью. Один из них, флорентинец Чиакко, приподнимается и на вопрос Данта предсказывает ему будущее судьбы Флоренции и его собственное изгнание. Данте спрашивает его об участии некоторых флорентинцев и узнает, что они в более глубоких кругах ада. Попросив живого странника напомнить о себе своим сородичам, Чиакко упадает лицом в грязь и навсегда замолкает. В беседе о будущей неземной жизни Вергилий и Данте приходят в границе третьего круга и, спустившись в четвертый круг, встречают демона богатства, великого врага человечества, Плутуса.

1 С возвратом чувств, к которым вход закрылся,
При виде мук двух родственных теней,
Когда печалью весь я возмутился, —

4 Иных скорбящих, ряд иных скорбей

Я зрел везде, куда ни обращался,
Куда ни шел, ни устремлял очей.

7 Я был в кругу, где ливень проливался
Проклятый, хладный, вечный: никогда
Ни в мере он ни в свойствах не менялся.

10 Град крупный, снег и мутная вода
Во мраке там шумят однообразно;
Земля, приняв их, там смердит всегда.

13 Там Цербер, зверь свирепый, безобразный,
По-песьи лает пастию тройной
На грешный род, увязший в тине грязной.

*Там Цербер, зверь свирепый, безобразный,
По-песьи лает пастию тройной*

16 Он, с толстым чревом, с сальной бородой,
С когтями на лапах, с красными глазами,
Хватает злых, рвет кожу с них долой.

19 Как псы там воют души в грязной яме:
Спасая бок один, другим не раз
Перевернутся с горькими слезами.

22 Червь исполинский, лишь завидел нас,
Клыкастые три пасти вдруг разинул;
От бешенства все члены он потряс.

25 Тогда мой вождь персты свои раздвинул,
Схватил земли и смрадной грязи ком
В зев ненасытный полной горстью кинул.

28 Как пес голодный воет и потом
Стихает, стиснув кость зубами злыми,
И давится и борется с врагом, —

31 Так, сжав добычу челюстями тройными,
Сей Цербер-бес столь яростно взревел,
Что грешники желали б быть глухими.

34 Чрез сонм теней, над коим дождь шумел,
Мы шли, и молча ноги поставляли

На призрак их, имевший образ тел.

37 Простертые, все на земле лежали;
Один лишь дух привстал и сел, сквозь сон
Узрев, что мимо путь свой мы держали.

40 «О ты, ведомый в бездну, – молвил он, —
Узнай меня, коль не забыл в разлуке:
Ты создан прежде, чем я погублён».

43 И я: «Твой лик так исказили муки,
Что ты исчез из памяти моей
И слов твоих мне незнакомы звуки.

46 Скажи ж, кто ты, гнетомый мукой сей,
Хоть, может быть, не самую ужасной,
Но чья же казнь презреннее твоей?»

49 И он: «Твой град, полн зависти опасной, —
Сосуд, готовый литься чрез край, —
Меня в себе лелеял в жизни ясной.

52 У вас, граждán, Чиакком прозван я:
За гнусный грех обжорства, в низкой доле,
Ты видишь, ливень здесь крушит меня.

55 И, злая тень, я не одна в сем поле;
Но та же казнь здесь скопищу всему
За грех подобный!» – И ни слова боле.

58 «До слез, Чиакко, – я сказал ему, —
Растроган я твоим страданьем в аде;
Но, если знаешь, возвести: к чему

*«До слез, Чиакко, — я сказал ему, —
Растроган я твоим страданием в аде...»*

61 Дойдут граждáне в раздроблённом граде?
Кто прав из них? скажи причину нам,
Как партии досель в таком разладе?»

64 А он в ответ: «По долгим распрям там
Дойдут до крови: партия лесная,
Изгнав другую, навлечет ей срам.

67 Но чрез три солнца победит другая,
Изгнав лесных при помощи того,
Что лавируёт, берег обгибая.

70 Чело подняв до неба самого,
Они врагу тяжелый гнет предпишут,
Хоть негодуй, хоть плачь он оттого.

73 Два правых там, но слова их не слышат:
Гордыня, зависть, скупость — это три
Те искры, ими же сердца там пышат».

76 Он смолк, терзаем горестью внутри,
И я: «Еще спрошу я у собрата,
Два слова лишь еще мне подари:

79 Друзья добра, Теггьяйо, Фарината
И Рустикуччи, Моска и Арриг

И прочие гонители разврата, —

82 Ах, где они? поведай мне об них!

Узнать об них горю от нетерпенья —

В аду ль скорбят, иль рай лелеет их?»

85 И он: «В числе чернейших! преступленья

Различные их повлекли ко дну:

Нисшэд⁸ туда, увидишь их мученья.

88 А как придешь в ту сладкую страну,

Молю: пусть вспомнят обо мне живые.

Довольно! дождь меня гнетет ко сну».

91 Тут, искосив глаза свои прямые,

Он на меня взглянул, главу склонил

И пал лицом как прочие слепые.

94 И вождь сказал: «Надолго он почил:

Звук ангельской трубы его разбудит,

Когда придет Владыка грозных сил.

97 На гроб печальный всех тот звук осудит,

Все восприимут плоть и образ свой,

Услышат то, что в век греметь им будет».

100 Мы тихо шли под бурей дождевой,

Топча в грязи теней густые кучи

⁸ Нисшед (устар.) – сойдя.

И говоря о жизни неземной.

103 И я: «Учитель, меры злополучий
Умножатся ль в день Страшного суда,
Умалются, иль будут столько же жгучи?»

106 А он: «К науке обратись, туда,
Где сказано, что чем кто совершенней,
Тем больше зрит он благ или вреда.

109 Хотя сей род, проклятый в злой геенне,
В век совершен не может быть вполне,
Ждет тем не мене казни утонченной».

112 Мы обогнули путь сей в тишине,
То говоря, чего здесь не замечу;
Когда ж пришли, где сходят к глубине, —

115 Враг смертных, Плутус, нам предстал навстречу.

Песнь VII

Содержание. Напомнив Плутусу падение Люцифера и тем укротив его бешенство, *Виргилий* вводит Данта в четвертый круг. Здесь вместе наказуются скупые и расточители. С страшным воем вращают они огромные тяжести, каждый совершая свой полукруг, сходятся с двух сторон, сталкиваются с поносными речами и, расходясь, снова вращают свои камни на новую встречу. Узнав, что это большею частью духовные, папы и кардиналы, Данте хочет иметь подробные сведения о некоторых; но *Виргилий* объясняет ему, что жизнь их была так неизвестна, что никого из них нельзя узнать. До Страшного суда продлится спор их; тогда скупые восстанут с сжатыми кулаками, а расточители – остриженные. По этому поводу *Виргилий*, намекнув о тщете даров счастья, изображает гения богатства – *Фортуну*. Уже полночь; путники идут далее и, пересекши четвертый круг, достигают кипучего потока, образующего грязное болото – *Стикс*. Следуя по его течению, они приходят в пятый круг. Здесь, в мутных волнах адского болота, души гневных дерутся между собою и рвут друг друга зубами. Под водою, в болотной тине, погружены сердитые и завистливые: они, дыша под волнами, вздымают пузыри на их поверхности и, испуская клики, захлебываются. Поэты обгибают болото, делают по его берегу большой круг и, нако-

нец, приходят к башне.

1 «*Pape Satan, pape Satan aleppe!*» —

Так Плутус хриплым голосом вскричал;
Но мой мудрец, с кем шел я в сем вертепе,

4 Как человек всеведущий, сказал:

«Не бойся! сколько б ни имел он власти,
Не преградит нам схода с этих скал».

7 Потом, к надутой обратившись пасти,

Вскричал: «Молчать, проклятый волк, молчать!
В самом себе сгорай от лютой страсти!

*Потом, к надутой обратившись пасти,
Вскричал: «Молчать, проклятый волк, молчать!..»*

10 Не без причин схожу я в эту падь:
Так *там* хотят, где мщеньем Михаила
Сокрушена крамольной силы рать».

13 Как, спутавшись, надутые ветрила
Падут, как скоро мачту их снесло, —
Так рухнула чудовищная сила.

16 Тут мы вошли в четвертое русло,
Сходя все ниже страшною дорогой
К брегам, вместившим всей вселенной зло.

19 О Боже правый! Кто сберёт так много,
Как здесь я зрел, мучений и забот?
Почто наш грех карает нас так строго?

22 Как над Харибдой мчит водоворот
Валы к валам, дробя их в споре диком —
Так адский здесь кружится хоровод.

25 Нигде я не был в сонме столь великом!
Здесь, с двух сторон, всем суждено вращать
Пред грудью камни с воплем, с страшным криком;

28 Сшибаются два строя и опять
Катят назад, крича друг другу с гневом:

«Зачем бурлить?» – «А для чего держать?»

31 Так с двух концов – на правом и на левом —
По кругу мрачному, подъявля стон,
Вращаются с презрительным напевом.

34 И каждый, путь свершивши, принужден
Катить назад полкругом в бой злословный.
И я, до сердца скорбью потрясен,

37 Спросил: «Мой вождь, кто этот род виновный?
Скажи мне: те постриженцы кругом,
Что слева, все ли из семьи духовной?»

40 И вождь в ответ: «Все, все они умом
В их прежней жизни столько были слепы,
Что никогда не знали мер ни в чем.

43 О том ясней твердит их вой свирепый,
Лишь с двух сторон сойдутся там вдали,
Где их грехи рождают спор нелепый.

46 Здесь кардиналы, папы здесь в пыли, —
Духовный клир с печатью постриженья:
Все в скупости безмерной жизнь вели».

49 «Мой вождь, – спросил я с чувством омерзенья, —
Могу ли я узнать хоть одного
В сей сволочи, вращающей камень?»

52 А он: «Мечта пустая! до того
Их всех затмил мрак жизни их постылый,
Что ты узнать не можешь никого.

55 На вечный спор направлены их силы:
Те без волос, а эти, сжав кулак,
В великий день восстанут из могилы.

58 Здесь, обратив свет лучший в вечный мрак,
Они теперь идут стеной на стену.
И кто ж поймет смысл их безумных драк?

61 Вот здесь, мой сын, вполне познай измену
Даров, Фортуне вверенных судьбой,
Которым смертный дал такую цену.

64 Когда б собрать все злато под луной,
То и оно не даст пребыть в покое
Из этих душ усталых ни одной!»

67 «Учитель, – я спросил, – но что ж такое
Фортуна, если у нее в когтях,
Как намекнул ты, благо все земное?»

*Когда б собрать все злато под луной,
То и оно не даст пребыть в покое
Из этих душ усталых ни одной!*

70 А он: «В каком невежестве, впотьмах,
Безумные, ваш род досель блуждает?
Храни ж мое учение в устах.

73 Тот, Чья премудрость миром управляет,
Создавши небо, дал ему вождей,
Для каждой части каждая сияет,

76 Распределяя равный свет лучей.
Так и земному блеску от начала
Он дал вождя, владычицу вещей,

79 Чтоб в род и род, из крови в кровь меняла
Блеск суетный земного бытия
И ваше знание в ничто вменяла.

82 За тем одним сей грозный судия
Готовит честь, другим позор, тревоги,
Скрываясь как под травой змея.

85 Ваш разум ей не пресечет дороги:
Она провидит, правит, судит свет,
Как сферами другие правят боги.

88 В ее пременах перемежки нет;

Необходимость бег ей ускоряет,
За счастьем горе посылая вслед.

91 Её-то на кресте и распинает
Ваш смертный род, безумьем одержим,
И в слепоте благую проклиняет.

94 Она ж не внемлет жалобам людским:
Блаженная, как первые творенья,
Вращает в славе шаром роковым.

97 Теперь сойдем в круг ббольшого мученья?
Хор звезд, всходивших в час, как мы пошли,
Склоняется: пойдем без замедленья».

100 Мы пересёкли этот круг и шли
К другому берегу, где поток тлетворный
Бежал, кипя и роя грудь земли

103 Волною больше мутною, чем черной,
И по теченью мертвого ручья
С трудом мы вниз сошли дорогой горной.

106 В болото Стикс вливалась струя
Печальных вод, свергавшихся с стремнины
В зловердные и мрачные края.

109 И я, взглянув на грязные пучины,
Увидел в них несметные полки

Теней нагих и гневных от кручины.

*И я, взглянув на грязные пучины,
Увидел в них несметные полки
Теней нагих и гневных от кручины*

112 Ногами, грудью, головой с тоски
Они дрались, не только что руками,
Зубами грызли плоть в куски, в куски.

115 И вождь: «Мой сын, стоишь ты пред тенями,
Которых гнев привел в такой раздор,
И верь ты мне, что даже под волнами

118 Вздыхает их неистовый собор
И пузыри вздувает в сей трясине,
Как зришь везде, куда направишь взор.

121 Прислушайся, как вопият в адской тине:
“Мы были злы в веселой жизни той,
Тая в себе дым медленный, и ныне

124 Томимся здесь под тиною густой!» —
Так в их гортанях клочкотали клики,
Захлебываясь черною водой.

127 Меж озером и берегом круг великий
Мы описали, с горестью сердец
Смотря на грешных, издававших крики,

130 Пока достигли башни наконец.

Песнь VIII

Содержание. На два сигнальные огонька с башни отвечает третий вдали над болотом. Между тем с быстротою стрелы несется по волнам челнок навстречу путникам: это ладья Флегиаса, кормщика адского болота. С бешенством окликает он Данта, но, укрощенный Вергилием, принимает поэтов в свою ладью. Они плывут. Тогда из воды поднимается тень флорентинца Филиппа Ардженти и силится опрокинуть ладью; но Вергилий отталкивает, а грешники увлекают свирепого флорентинца; он в бешенстве грызет самого себя. Между тем страшные крики оглушают поэтов: они приближаются к адскому городу Дис, с огненными башнями, окруженному глубокими рвами. У ворот города поэты выходят на берег; но тысячи падших с неба ангелов возбраняют им вход. Вергилий ведет с ними переговоры; демоны согласны впустить Вергилия, но Данте должен один возвратиться. Он в ужасе. Вергилий, обещая не покидать его, снова переговаривает с демонами; но те перед его грудью запирают ворота города и оставляют поэта за порогом. Вергилий возвращается к Данту; он сам в сильном смущении, однако ж утешает живого поэта скорым прибытием небесной помощи.

- У основания грозной башни сей,
В ее вершине взор наш приманили
- 4 Два огонька, блеснувшие на ней;
Знак подавал им пламень одинокий
В дали, едва доступной для очей.
- 7 И, в море знаний погружая око,
Спросил я: «Вождь, кто знаки подает?
Что огонькам ответил огонь далекий?»
- 10 И вождь в ответ: «Над зыбью грязных вод
Не видишь ли, кто мчится к нам стрелою?
Иль для тебя он скрыт в дыму болот?»
- 13 Лук с тетивы с подобной быстротою
Не мечет стрел на воздух никогда,
С какой, я зрел, над мутною волною
- 16 Навстречу к нам стремился челн тогда;
Его рулем один лишь кормщик правил,
Крича: «Злой дух, пришел и ты сюда?»
- 19 «Флегъяс, Флегъяс! ты к нам вотще направил, —
Сказал мой вождь, — свой крик на этот раз:
Мы здесь затем, чтоб нас ты переправил».
- 21 Как злится тот, кто выслушал рассказ
О том, какой над ним обман свершился,

Так бешенством объят был Флегиас.

25 Вождь сел в ладью, за ним и я спустился,
И лишь тогда, как сел я близ вождя,
Летучий челн, казалось, нагрузился.

*И лишь мы сели, древняя ладья
Как молния помчалась издалека*

28 И лишь мы сели, древняя ладья
Как молния помчалась издалека,
Зыбь глубже, чем когда-нибудь, браздя.

31 Так плыли мы вдоль мертвого потока;
Вдруг весь в грязи дух выплыл из ручья,
Вскричав: «Кто ты, идущий прежде срока?»

34 А я: «Иду, но не останусь я;
Но кто ты сам, весь в тине, безобразный?»
И он: «Ты видишь: плачет тень моя!»

37 «Так плачь же, дух проклятый, безотвязный! —
Воскликнул я, — и множь печаль свою!
Теперь узнал я, кто ты, призрак грязный!»

*Тогда схватил руками он ладью,
Но оттолкнул его мой вождь...*

40 Тогда схватил руками он ладью,
Но оттолкнул его мой вождь, зывая:
«Прочь, к псам другим! или в свою семью!»

43 Потом, обняв меня, в уста лобзая,
Сказал мне: «Будь благословенна ввек
Зачавшая тебя, душа живая!

46 Он на земле был гордый человек:
Жизнь не украсив добрыми делами,
Теперь нам путь он в бешенстве пресек.

49. Немало там великих меж царями:
Как свиньям, всем здесь в тине потонуть
С проклятием ужасным между вами».

52 И я: «Мой вождь, желал бы я взглянуть,
Как страшный грешник в волны погрузится,
Пока наш челн окончит дальний путь».

55 И мне учитель: «Прежде, чем домчится
Ладья к берегам, дождешься ты конца:
Сим зрелищем ты должен насладиться».

58 Тут видел я, как душу гордеца
Толпы теней, терзая, вглубь умчали,

За что досель благодарю Творца.

61 «Филипп Ардженти, к нам!» – они кричали,
А дух безумный флорентинца сам
Себя зубами грыз и рвал с печали.

64 Но замолчим, его оставим там!
Тут страшный вопль пронзил мне слух: заране
Взирать не стало сил моим очам.

67 И вождь: «Мой сын, уж виден град в тумане,
Зовомый Дис, где, воя и стена,
Проклятые столпилися граждáне».

70 И я: «Уже предстали пред меня
Багровые мечети в дымном смраде,
Восставшие как будто из огня».

73 И вождь: «Горит огонь вечный в их ограде,
И раскаляет стены проклятых,
Как видишь ты в глубоком этом аде».

76 Меж тем челнок глубоких рвов достиг,
Облегших вокруг твердыни безутешной;
Железными почел я стены их.

79 Челн, сделав круг великий, в тьме кромешной,
Причалил там, где мощный кормщик-бес:
«Вот дверь! – вскричал, – идите вон поспешно!»

82 Над входом в град, я зрел, тьмы тем с небес
Низринутых, которые сурово
Вопили: «Кто вступает в царство слез?

85 Живой кто входит к мертвым, странник новый?»
Но мудрый мой наставник подал знак,
Что хочет тайное сказать им слово.

88 Тогда, на миг притихнув, молвил враг:
«Войди один, а он да удалится,
Он, что так смело входит в вечный мрак.

91 Пусть он путем безумным возвратится,
И без тебя – тебя мы впустим в град —
Коль знает, пусть в обратный путь стремится».

94 Читатель, сам подумай, как объят
Я страхом был от грозных слов: обратно
Не думал я уже придти назад.

97 «О милый вождь, который семикратно
Спасал меня и избавлял в беде,
Где погибал уже я невозвратно,

100 Не кинь меня, – я рек, – в такой нужде,
И, если ад идти мне не дозволил,
Пойдем назад! будь мне щитом везде!»

103 Но он, мой вождь, мне в сердце бодрость пролил,
Сказав: «Будь смел! дороги роковой
Нам не прервут; так жребий соизволил.

106 Жди тут меня и дух унылый свой
Крепи, питай надеждою благою:
В сем мире я не разлучусь с тобой».

109 С моим отцом расстался я с тоскою:
В моей главе, исполненной тревог,
И *да* и *нет* сражались меж собою.

112 Что рек он им, расслушать я не мог,
Но он недолго с ними находился,
Как все враги укрылись за порог

Что рек он им, расслушать я не мог

115 И вход ему пред грудью затворился;
Владыка мой оставлен был совне,⁹
И медленно ко мне он возвратился.

118 Потупив взор, утративший вполне
Все мужество, он говорил, вздыхая:
«Кто в дом скорбей пресек дорогу мне?»

121 И мне потом: «Мой гнев в лице читая,
Ты не страшись: мы победим их хор,
Чтоб ни творил он, град свой охраняя.

124 Уже не нов такой его отпор:
Он явлен был у врат первоначальных,
Что каждому отворены с тех пор.

127 Над ними зрел ты надпись слов печальных;
И уж оттоль нисходит вглубь теперь
И без вождя грядет в пучинах дальних

130 Тот, кто для нас развернет в крепость дверь».

⁹ Совне, нареч (устар.) – за пределами чего-либо, снаружи.

Песнь IX

Содержание. *Виргилий, тщетно ожидая небесной помощи, в недоумении говорит сам с собою. Устрашенный очевидным колебанием учителя, Данте спрашивает: случилось ли кому-нибудь из обитателей лимба спускаться на дно ада, и узнает, что Виргилий уже и прежде сходил в самый последний круг адской бездны. Между тем на вершине башни являются три адские фурии: Мегера, Алекто и Тизифона. Они с криком раздирают себе грудь когтями и, глядя на Данта, зовут Медузу, чтобы превратить его в камень. Тогда Виргилий оборачивает Данта к ним спиною и сам закрывает ему очи руками. Тут страшный гром потрясает волны Стикса, и Данте, открыв очи, видит приближающегося Ангела, который, с жезлом в руке идет по водам Стикса, как по суше. Тени гневных и демоны убегают от него в ужасе, а врата адского города разверзаются сами собою. Укротив ярость демонов напоминанием бесполезности сопротивления, ангел отходит обратно. Беспрепятственно входят тогда поэты в город, и взору Данта представляется необозримое поле, изрытое могилами, в которых и между которыми пылает пламя. Это шестой круг ада, где, скрытые в могилах, наказуются еретики, особенно основатели еретических сект. Поэты продолжают шествие и, повернув направо, идут между стеною крепости и могилами.*

- 1 Едва мой вождь заметил цвет боязни
В моем лице, он тотчас сумрак свой
Прогнал с чела улыбкою приязни.
- 4 Как внемлющий, стоял он предо мной,
Затем, что вдаль не мог вперить он взоры
Сквозь воздух черный и туман густой.
- 7 «Мы сокрушим их адские затворы...
А если нет... ведь *тот* мне обещал...
Как медлит он, помощник наш нескорый!»
- 10 Я видел ясно, как он прикрывал
Последним то, что высказал сначала,
И речи первой смысл иной давал.
- 13 Тем больший страх мне речь его внушала,
Что тайный смысл отыскивал я в ней,
Быть может, худший, чем она скрывала.
- 16 «На дно печальной раковины сей
Сходили ль прежде души с той ступени,
Где без надежд вздыхает сонм теней?» —
- 19 Так я спросил; а он: «Из нашей сени
В глубокий ад, в который ты вступил,
Не многие досель сходили тени.

22 Но я в сей град однажды призван был
Волшебницей, что силу чар имела
В плоть облекать отшедших в мрак могил.

25 Едва сложил с себя я узы тела,
Как тень извлечь она велела мне
Из темного Иудина предела.

28 Сей мрачный круг лежит на самом дне,
Всех далее от высочайшей сферы;
Итак смелей! я знаю путь вполне.

31 Обвит болотом, в смрадном дыме серы,
Сей град скорбей, куда без гнева нам
Нельзя войти в подземные пещеры».

34 Что рек еще, теперь не вспомню сам:
Мой взор, мой ум тогда манили стены
Высокой башни к огненным зубцам,

37 Где вознеслись три Фурии геенны,
Имевшие свирепых женщин вид,
И кровию обрызганные члены.

40 Их пояс был из гидр зеленых свит;
Не волосы им обвивали лица,
Но аспиды, керасты Эвменид.

Вот Фурии, три стража сей темницы

43 И он, узнав служительниц царицы
Рыданий вечных, тихо молвил мне:
«Вот Фурии, три стража сей темницы.

46 Мегера там на левой стороне,
Алектро справа плачет в горе диком,
А Тизифона между них!» – Они

49 Когтями перси¹⁰ раздирали с криком,
Стуча в ладони с бешенством таким,
Что в ужасе к певцу припал я ликом.

52 «Медуза, к нам! их в камень превратим!» —
Так, вниз глядя, из всей зывали мочи:
«Позор, когда Тезею не отмстим!»

55 «О, отвратись! закрой руками очи!
Когда узришь Горгону пред собой,
Уж не придешь назад из вечной ночи». —

58 Так вождь сказал и к ним меня спиной
Сам обратил и, к моему спасенью,
Закрыв мне очи собственной рукой.

61 О вы, чей ум способен к размышленью,

¹⁰ Перси: 1) *устар. и поэт.* – женская грудь. 2) *устар., трад.-поэт.* – грудь вообще.

Под покрывалом странных сих стихов
Сокрытому дивитесь ученью!

64 И вот по гребням вспененных валов
Пронесся треск со звуком, полным страха,
Потрясший высь обоих берегов.

67 Так вихрь, рожден борьбой жаров из праха,
Неистовый несется прямо в лес
И, на него обрушившись, с размаха

70 Ломает ветви, валит пни деревьев
И, пастухов гоня с полей со стадом,
Уходит горд, пыль взвивший до небес.

73 Тогда мой вождь: «Проникни смелым взглядом
Над пеной древних волн до рубежа,
Где дым с болот встает острейшим чадом».

76 Как мечутся лягушки от ужа,
Их недруга, и кучей в тине лужи
Лежат на дне: так, воя и дрожа

79 От ужаса – я видел – мчались души,
Смущенные явлением того,
Что проходил по Стиксу как по суше.

82 Он шуйцей¹¹ гнал от лика своего

¹¹ Шуйца, *сущ. неод. ж. р.* (устар.) – левая рука.

Густой туман, мглу черную как смолу,
И мрак, казалось, утомлял его.

85 Я понял вмиг, что он смирит крамолу,
И на вождя взглянул: он дал мне знак,
Чтоб я молчал, и взор потупил долу.

88 О, как разгневан был горящий зрак!
Достигнув врат, он жезл поднял железный,
И вмиг пред ним разверз их лютый враг.

*Достигнув врат, он жезл поднял железный,
И вмиг пред ним разверз их лютый враг*

91 «О подлый род, изгнанный с тверди звездной! —
На страшном праге¹² рек он им в ответ, —
Кто в вас возжег дух злобы бесполезной?

94 Что попить ту волю, тот завет,
Что пред собой все сокрушает грани?
Колико¹³ крат то было вам во вред?

97 Зачем рога устави́ли для брани?
Не ваш ли пес — о вспомни, дерзкий род! —
Несет на вые¹⁴ след могучей длани?»

100 Он вспять отшел путем нечистых вод,
Не обменясь в тот миг ни словом с нами,
Как человек, под бременем забот,

103 Не зрит того, что пред его очами. —
И в крепость мы направили стопы,
Подкреплены святыми словесами.

106 Тут нам никто не возбранял тропы,

¹² Праг, *сущ. м. р.* (церк.-книжн. и поэт. устар.) — порог.

¹³ Коли́ко, *числ.* Сколько, какое количество, как много? *нареч.* В какой мере, насколько? *определ.* Обозначает высшую степень чего-л. (обычно в восклиц. предложениях).

¹⁴ Выя, *сущ. неод. ж. р.* (устар.) — шея.

И я, вступив в пределы стен высоких,
Чтоб видеть казнь томящейся толпы,

109 Окинул взором край пучин глубоких
И зрел со всех сторон простор полян,
Исполненных скорбей и мук жестоких.

112 Как близко Арля, где не быстр Родан,
Иль как у Полю, где залив Кварнары
Грань омывает итальянских стран, —

115 Могилами изрыты крутояры:
Такую здесь увидел я страну,
Но вид ее был полон горшей кары.

118 Огонь, змеясь между могил по дну,
Их раскалял с такой ужасной силой,
Как никогда не плавят сталь в горнѹ.

121 Покров висел над каждою могилой
И вопль глухой к нам неся из могил,
И этот вопль был плач толпы унылой.

124 «Учитель мой, кто это, — я спросил, —
Казнится здесь под сводами так строго?
И почему их голос так уныл?»

127 И он: «Здесь казнь еретикам от Бога!
Здесь секты всех родов подьемяют стон!

Ты не согласишь мне, как здесь их много!

130 С подобным здесь подобный заключен
И разный жар вмещают их гробницы».
И, повернув направо, вышел он

133 Меж полем мук и крепких стен бойницы.

*С подобным здесь подобный заключен
И разный жар вмещают их гробницы*

Песнь X

Содержание. Поэты идут между стенами города и могилами. Последние открыты, но в день Страшного суда закроются; в них погребены Эпикур и его последователи, полагавшие, что душа умрет вместе с телом. Из глубины одной из них раздается голос, взывающий к Данту, и вслед за тем поднимается до пояса тень Фаринаты, предводителя Гибеллинов. Он спрашивает Данта о его предках, и узнав, что они были заклятые враги его Гвельфы, говорит с негодованием, что он два раза изгнал их из Флоренции. На это Данте отвечает, что его предки каждый раз возвращались из изгнания, чего не удавалось партии Фаринаты. Пока говорят они, из могилы, недалеко от Фаринатовой, поднимается другая тень: это Гвельф Кавальканте Кавальканти. Он спрашивает, почему Гвидо, сын его и друг Данта, не пришел вместе с ним, и, заключив ошибочно, что сын его умер, опрокидывается в могилу. Между тем Фарината, не обращая внимания на упавшего, продолжает прерванный разговор, предсказывает Данту изгнание и, узнав о причине преследований, направленных флорентинцами против Гибеллинов, с гордостью вспоминает, что он один спас родной город от разрушения; наконец, разрешив Данту некоторое сомнение насчет способности грешников видеть будущее и указав из числа теней, вместе с ним наказуемых, на императо-

ра Фридерика II и кардинала Убальдини, исчезает в могиле. Данте с горестью возвращается к Вергилию, который, утешая его, напоминает ему Беатриче, от которой Данте должен узнать истинный путь к божественной жизни. Поэты идут налево к центру города, чтобы спуститься в глубокую долину, со дна которой поднимаются зловонные испарения.

1 Вот узкою тропинкой, меж стенами
Сей крепости и зрелищем скорбей,
Пошел мой вождь, а я за раменами.¹⁵

4 «О высший ум, с кем в адской бездне сей
Вращаюсь я, твоей покорный воле, —
Наставь меня премудростью своей.

7 Могу ль узреть, — спросил я, — в этом поле
Томящихся в могилах? крыши с них
Приподняты и стражи нет уж боле?»

10 А он в ответ: «Запрутся все в тот миг,
Когда придут с полей Иосафата
И принесут тела из недр земных.

13 Тут погребен со школою разврата
Тот Эпикур, который мир учил,
Что с телом дух погибнет без возврата.

¹⁵ Раменá, *мн. ч.* (устар., trad.-поэт.) — плечи.

16 Здесь твой вопрос, что мне ты предложил,
А вместе с тем и тайное сомненье
Сейчас решатся в лоне сих могил».

19 Но я: «Мои вождь, души моей мышленье
Я утаил для краткости в речах,
К чему ты сам давал мне наставленье».

22 «Тосканец, ты, что в огненных стенах
Живой ведешь беседу так прекрасно,
Благоволи помедлить в сих местах!

25 Звук слов твоих мне обнаружил ясно,
Что в благородной ты стране возник,
Где, может быть, клянут меня напрасно».

28 Внезапно здесь исторгся этот крик
Со дна могил и, ужасом объятый,
Я к моему учителю приник.

31 «Что делаешь? – сказал мне мой вожатый,
Оборотясь. – Перед тобой возстал
До пояса дух гордый Фаринаты».

34 К его лицу я взоры приковал;
А он возстал, подняв чело и плечи,
Как будто ад и муки презирал.

37 И меж гробов к герою страшной сечи

Толкнул меня поспешно мой певец,
Сказав: «Твои да будут кратки речи!»

40 Когда ж у гроба стал я наконец,
Дух, на меня взглянув, почти с презрением
Спросил: «Кто предки у тебя, пришлец?»

43 А я, пред ним стоя с благоговеньем,
Не утаив, все высказал вполне.
Тогда нахмурил брови он с смущеньем

46 И рек: «Враги то злые были мне
И партии моей и нашим дедам:
За то я дважды их громил в войне».

*Когда ж у гроба стал я наконец,
Дух, на меня взглянув, почти с презреньем*

49 «Ты их громил, но возвратились следом
Они отвсяду, — я в ответ сказал. —
Твоим же путь к возврату был неведом!»

52 Тут близ него из гроба приподнял
До подбородка лик другой безбожный:
Он на коленях, думаю, стоял.

55 Вокруг меня водил он взор тревожный,
Как бы желая знать, кто был со мной;
Когда же луч угас надежды ложной,

58 Он, плача, вскрикнул: «Если в мир слепой
Проникнул ты таланта высотой,
То где же сын мой? что ж он не с тобой?»

61 Но я ему: «Иду не сам собою:
Там ждет мой вождь, за кем иду вослед;
Его твой Гвидо презирал с толпою».

64 Казнь грешника и слов его предмет,
Кто был сей дух, мне объяснили вскоре,
И потому так прям был мой ответ.

67 Вдруг, выпрямясь, вскричал он в страшном горе:
«Как? *презирал!* уж нет его в живых?

Уж сладкий свет в его не блещет взоре?»

70 Когда заметил он в очах моих
Сомнение, тревогу беспокойства,
Он навзничь пал и навсегда затих.

73 Меж тем другой, муж силы и героизма,
Не двинув выи, не склоняя плеч,
Являл в лице души надменной свойства.

76 «Да! – продолжал он прерванную речь. —
Мысль, что досель мое в изгнание племя,
Крушит меня сильнее, чем эта печь.

79 Но лик жены, гнетущей злое семя,
В пятидесятый раз не проблеснет,
Как взвесишь сам, сколь тяжело это бремя.

82 О, если мир тебя прекрасный ждет,
Скажи: за что с такою нелюбовью
Законами гнетете вы мой род?»

85 И я: «Тот бой, что залил нашей кровью
Всю Арбию, в ней воды взволновав,
Подвиг нас в храме к этому условию».

88 Тут он вздохнул, главою покачав,
И молвил: «Я ль один виновен в этом?
И не имел ли я на это прав?

91 Но там, где общим решено советом
Развеять в прах Флоренцию, лишь я
Защитником ей был пред целым светом».

94 «Да обретет же мир твоя семья!
А ты, – сказал я, – развяжи мне сети,
В которых мысль запуталась моя.

97 Коль понял я, мрак будущих столетий
Со всеми их делами вам открыт;
Но в настоящем – вы сомненья дети».

100 А он: «Мы зрим, как дальнотзорный зрит,
Лишь только то, что вдалеке таится:
Еще нас этим Высший Вождь дарит.

103 Когда ж событие близко, иль свершится,
Тогда нам очи кроет темнота:
Мир скрыт для нас, коль весть к нам не домчится.

106 Но ты поймешь, что дар сей как мечта
Рассеется в тот миг, когда судьбою
Затворятся грядущего врата».

109 Тут я сознал проступок свой с тоскою
И рек: «Скажи соседу своему,
Что сын его еще живет со мною.

112 Я лишь затем не отвечал ему,
Что было мне в то время непонятно
То, что теперь ты разрешил уму».

115 Уж призывал меня мой вождь обратно
И потому я духа умолял
Сказать: кто с ним погиб здесь невозвратно.

118 «Лежу среди тысяч, – он мне отвечал, —
Тут Кардинал с могучим Фридериком;
Но о других не спрашивай!» – Сказал

121 И скрылся. Я ж, в смущении великом,
Задумавшись от слышанных угроз,
Шел к древнему поэту с грустным ликом.

124 Подвигся он и, взыдя на утес,
Спросил: «Скажи: что так тебя смутило?»
И я ему ответил на вопрос.

127 «Запомни же, что сказано здесь было,
И все в душе, – он рек, – запечатлей!»
И, перст поднявши, продолжал уныло:

130 «Когда увидишь дивный блеск лучей
В очах прекрасной, им же все открыто,
Тогда узнаешь путь грядущих дней».

133 Я шел налево под его защитой.

И мы от стен в центр города пошли
Тропинкою, в долине той прорытой,

136 Где адский смрад всходил со дна земли.

Песнь XI

Содержание. На вершине обрушенной скалы, составляющей границу между кругом еретиков и следующим, поэты укрываются от ужасного зловония адских испарений за крышею одиноко стоящей гробницы папы Анастасия. Они идут медленно для того, чтобы наперед привыкнуть к зловонию, восходящему с кровавой реки из глубины седьмого круга. Пользуясь этим временем, *Виргилий*, по просьбе *Данта*, объясняет ему распределение грехов по кругам ада и говорит, что вне пределов адского города (*Ад. VIII, 67–68*), в пройденных уже кругах, наказуются невоздержные, слепо предававшиеся естественным побуждениям; но что внутри города, в более глубоких кругах ада, помещены те, которые, предавшись влечениям неестественным, превратили свою человеческую природу в животную, зверскую: все они разделены на три класса, смотря потому, на кого направлено насилие: на близких, на самих себя, или на Бога. За грешниками, виновными в насилии, следуют обманищики, а на самом дне ада виновные в величайшем грехе – измене. Наконец *Виргилий* объясняет *Данту*, почему ростовщики отнесены к числу грешников, направлявших насилие против законов Божеских. – Наступает утро. Поэты идут далее.

Над грудю обрушенных громад,
Пришли мы к бездне более жестокой.

4 И, встретив тут невыносимый смрад,
Клубившийся над пропастью бездонной,
За страшным гробом мы взошли на скат,

7 И я прочел на крыше раскаленной:
«Здесь Анастасий папа в гробе скрыт,
С прямой стези Фоотином совращенный».

10 «Нам медленно сходить здесь надлежит,
Чтоб свыклось чувство с адским испареньем:
Тогда нам смрад уже не повредит».

13 А я: «Займи ж мой ум благим ученьем,
Чтоб этот час без пользы не пропал».
И вождь: «Я сам с твоим согласен мненьем.

16 Мой сын, – он начал, – в бездне этих скал
Три меньших круга выются ступенями,
Как там вверху, где путь наш пролегал.

19 Все три кишат проклятыми тенями;
Но чтоб постиг ты Божий суд святой,
Узнай: за что казнятся небесами.

За страшным гробом мы взошли на скат

- 22 Цель всякой злобы, в небе проклятой,
Одна – обида; к ней же две дороги:
Или насилие, иль обман людской.
- 25 Но как лишь людям свойственны подлоги,
То ими Бог сильнее прогневлен:
За то на дне и суд им самый строгий.
- 28 Весь первый круг насилью посвящен;
Но как трем лицам вред от сей невзгоды,
То в три отдела круг сей раздроблен.
- 31 Против Творца, против своей природы,
На ближних, с их стяжаньем возстает
Насилие и вот тому доводьды.
- 34 Вред ближнему насилие влечет
Увечьями, убийством, а стяжанию,
Поджогами, разбоем, и в зачет
- 37 Смертоубийству, злomu истязанью
И грабежу казнь лютая вовек
В отделе первом служит должной данью.
- 40 Сам на себя заносит человек
Насилья длань: за то скорбит стократно
В другом отделе каждый, кто пресек

- 43 Сам дни свои, кто, промотав развратно
Именье, горем отягчил главу
И плакал там, где мог бы жить приятно.
- 46 Наносится насилье Божеству,
Когда проклятья сердце изрыгает
И благодати Его и естеству.
- 49 За то отдел последний отмечает
Клеймом своим Каорсу и Содом
И тех, чье сердце Бога отрицает.
- 52 Обман, грызущий совесть всем, на том
Свершиться может, кто с доверьем внемлет,
Иль кто доверья чужд в уме своем.
- 55 В грехе *последнем*, кажется мне, дремлет
Лишь долг любви, природы нежный дар:
За то второй великий круг объемлет
- 58 Гнездо льстецов, жрецов волшебных чар,
Соблазн, подлог, татьбу-1 и святотатство
И всякий грех, достойный горших кар.
- 61 Но *первый* грех забыл любовь, богатство
Природное, и то, что слито с ней,
Чем зиждутся доверие и братство.

- 64 А потому в кругу меньшом, где всей
Вселенной центр, где Дис царит ужасный,
Всяк изменивший стынет в бездне сей».
- 67 И я: «Мой вождь, твое ученье ясно
И верное дает понятие мне.
О бездне сей и о толпе злосчастной.
- 70 Но объясни: погрязший род в волне,
Носимый ветром и разимый градом
И та толпа, что спорит век в войне, —
- 73 Зачем не Здесь, за раскаленным градом,
Казнятся, если подлежат суду,
А если нет, за что пожраты адом?»
- 76 А он в ответ: «Зачем в таком бреду,
Как не случилось прежде, ум твой бродит?
Иль новое имеет он в виду?
- 79 Не помнишь ли то место, где выводит
Твой Аристотель в Ифике-1 из всех
Три склонности, на них же казнь нисходит:
- 82 Невоздержанье, злость, безумный грех
Животности? и как невоздержанье
Наказано от Бога легче тех?
- 85 И так, коль обнял ты вполне то знание
И приведешь на память проклятых,

Приемлющих вне града наказание,

88 То сам поймешь, зачем от этих злых
Отлучены и с меньшим гневом мщенья
Млат Правды Божьей сокрушает их».

91 «О солнце, врач смущенного воззренья!
Так ясно ты решаешь, что уму
Равно полезны: знание и сомненья.

94 Но уклонись назад, – я рек ему, —
И объясни: чем Бога оскорбляет
Дающий в рост? рассеяй мне эту тьму».

97 «Кто философию постиг, тот знает,
Что стройный чин, – сказал он, – естества
Течение свое воспринимает

100 Из разума, искусства Божества,
И если в физику вникал, то, много
Не рывшись в ней, найдешь сии слова:

103 Искусство ваше подражает строго
Природе так, как дядьке ученик:
И так искусство как бы внук есть Бога.

106 Из этих двух, коль мыслями ты вник
В начало книги Бытия, и должно
Жизнь почерпать и размножать язык.

109 Но ростовщик, идя стезею ложной,
Расторг в души корыстной, полной зла,
Союз искусств с природой непреложной.

112 Но следуй мне: идем! уж ночь прошла:
Трепещут Рыбы на эфире звездном
И Колесница уж на Кавр легла,

115 А спуск еще далек, где сходит к безднам.»

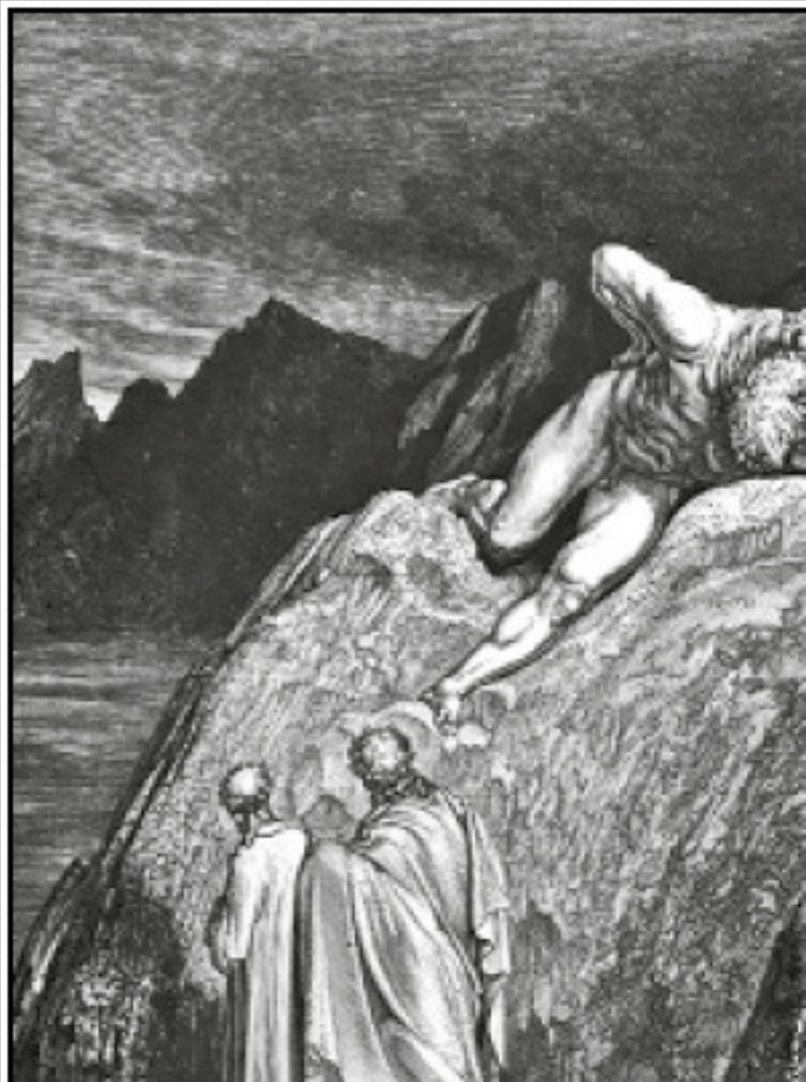
Песнь XII

Содержание. Путники приходят к каменной ограде седьмого круга, к первому его отделу (Ада XI, 37–39), в котором наказуется насилие против ближних. При виде поэтов, Минотавр, распростертый на границе этого круга, в бешенстве кусает самого себя; но Вергилий укрощает его ярость напоминанием о Тезее, его умертвившем, а пока чудовище крутится от бессильного бешенства, поэты сходят по громадным камням обрыва, обрушившегося в минуту крестной смерти Спасителя. На дне круга дугою изгибается глубокий ров, наполненный кипящею кровью; в нее погружены насилостатели ближних. Кентавры, вооруженные стрелами, рыскают по берегам рва и стреляют в тех, которые выйдут из потока крови более, нежели им следует. Трое из них, Несс, Хирон и Фол, бросаются на пришельцев; но Вергилий укрощает и их ярость и, обратившись к Хирону, просит дать им проводника, который бы перенес Данта на хребте своем вброд через поток крови. Хирон избирает Несса, в сопровождении которого поэты идут далее и видят тиранов, погруженных в кровь по самые очи. Из числа их Несс указывает им на Александра, Дионисия, Аццолина и Обидзо Эсте, а в отдалении от них на одинокую тень Гвидо Монфорте. Кровавый поток к одному концу долины все более и более мелеет, так, что наконец едва покрывает ноги грешникам;

напротив, к другому концу волны его становятся все глубже и глубже, и здесь-то на дне под волнами плачут вечными слезами: Аттила, Пирр и Секст, и разбойники Реньеры.

- 1 Скалист был край, где мы взбирались в горы,
И тем, что в недрах он притом вмещал,
Так страшен был, что всем смутил бы взоры.
- 4 С той стороны от Трента есть обвал,
Обрушенный в Адиг землетрясеньем,
Иль осыпью волной подмытых скал:
- 7 С горы, откуда свергнут он паденьем,
В долину так обрывист косогор,
Что сверху вниз нет схода по камням.
- 10 Так крут был спуск в ущелье этих гор,
И здесь, заняв обрушенные скаты,
Улегся Крита ужас и позор,
- 13 Подложною телицею зачатый.
Увидев нас, он грыз себя, как зверь,
В котором чувства бешенством объаты.
- 16 Но мой мудрец вскричал ему: «Поверь,
Не царь Афинский здесь перед тобою,
Который в ад тебе разверзнул дверь.
- 19 Прочь, лютый зверь! прочь! не твоей сестрою,

Был низведен мой спутник в омут сей,
Но вашу казнь узреть идет со мною».

Увидев нас, он грыз себя, как зверь...

22 Как дикий бык, сорвавшийся с цепей,
Когда смертельным поражен ударом,
Без сил, крутится в ярости своей:

25 Так Минотавр крутился в гневе яром.
Но вождь всезнающий вскричал: «Беги!
Теперь сойдем, минут не тротя даром».

28 По грудам скал я ускорил шаги,
И не один там камень вниз скатился
Из-под моей трепещущей ноги.

31 Я думен шел, а вождь: «Ты изумился
Громаде скал, где страж их, адский гад,
С бесовской злобой предо мной смирился.

34 Так ведай же: когда в глубокий ад
Я нисходил, в то время скал громада
Не представляла мне в пути преград.

37 Но прежде чем, скорбящих душ отрада,
Явился Тот, который, в Лимб нисшел,
Отгял великую корысть у ада, —

40 Так потряслась пучина лютых бед,
Что мир — я думал — вновь поколебала
Любовь, чья мощь, как полагал поэт,

- 43 Не раз в хаос вселенную ввергала,
И в то мгновенье древний сей утес
Распался, здесь и ниже, в два обвала.
- 46 Но взор вперея в долину горьких слез:
Клокочет кровь рекой там быстротечной,
Где всяк кипит, кто ближним вред нанес!»
- 49 О страсть слепая! гнев бесчеловечный!
Ты в краткой жизни нас палишь в огне,
А здесь в крови купаешь в жизни вечной!
- 52 Ров, полный крови, я узрел на дне:
В равнине он дугою изгибался,
Как говорил о том учитель мне.
- 55 И между рвом и крутью гор скитался
Со стрелами Кентавров буйный род,
Как на земле он ловлей забавлялся.
- 58 Завидев нас, спускавшихся с высот,
Все стали в ряд; а трое, выбрав пуки
Острейших стрел, к нам бросились вперед.
- 61 «Какой вас грех привел сюда для муки, —
Так издали один воскликнул: – с гор?
Ответствуйте: не то – мы спустим луки».

64 «Мы заключим с Хироном договор,
Когда сойдем с нагорного навеса:
Твой гнев всегда во вред тебе был скор!» —

*Завидев нас, спускавшихся с высот,
Все стали в ряд...*

67 Так вождь ему; а мне: «Ты видишь Несса:
За Деяпиру умерев, излил
Сам из себя он месть на Геркулеса.

70 С ним рядом, тот, что взор на грудь склонил, —
Гигант Хирон, взлелеявший Ахилла;
А третий, Фол, всегда неистов был.

73 Вкруг ямы рыщет тысячами сила,
Стреляя в тех, кто выйдет из среды
Кровавой больше, чем вина судила».

76 Лишь мы вошли в их страшные ряды,
Хирон, схватив стрелу, назад закинул
За челюсть пряди длинной бороды.

79 Потом он пасть огромную разинул
И молвил: «Братья! видите, на дно
Какие камни этот задний сдвинул:

*Вкруг ямы рыщет тысячами сила,
Стреляя в тех, кто выйдет из среды
Кровавой больше, чем вина судила.*

82 Так мертвецам ходить не суждено!»
Но вождь мой, став пред грудью колоссальной,
Где сходятся два естества в одно,

85 Сказал: «Он жив и я дорогой дальней
Веду его в страну, где светит день:
Не прихоть, рок ведет нас в край печальной.

88 Пославшая меня с ним в вашу сень
Пришла оттоль, где гимн поют осанна:
Он не разбойник, я не злая тень.

91 Но заклинаю силой несказанной,
Что в трудный путь стопы мои ведет:
Дай нам вождя, чтоб нас он невозбранно

94 Привел туда, где переходят вброд,
И на хребте пришельца переправил:
Ведь он не дух, свершающий полет».

97 Хирон направо к Нессу взор направил
И рек: «Ступай, веди их тем путем,
Где б им никто преграды не представил».

100 Тут двинулись с надежным мы вождем

Вдоль берега кровавого потока,
Где неся крик палимых кипятком.

103 Я видел сонм, погрязший в кровь до ока,
И нам Кентавр: «Тираны здесь в слезах,
Что лили кровь и грабили жестоко.

106 Здесь каются они в своих грехах:
Здесь Александр и Дионисий вместе,
Сицилии несчастной бич и страх.

109 А там чело поднял в глубоком месте
Черноволосый Аццолин и с ним
Тот белокурый злой Обидзо Эсте,

112 Убитый в мире пасынком своим».
Я на вождя взглянул, но мне учитель:
«Пусть будет первым он, а я вторым».

115 Немного дале, с вами стал мучитель
Над сонмом душ, что погружен был весь
По горло в яму – ужасов обитель!

118 Тень в стороне нам указал он здесь,
Сказав: «Вот он, пронзивший в Божьем храме
То сердце, что на Темзе чтут поднесь».

121 Потом я видел в адском Буликаме
Главу и грудь вносящий сонм духов,

И в их толпе узнал я многих в яме.

124 Все мельче, мельче становилась кровь,
Так, что одни скрывала грешным ноги:
Здесь перешли мы быстро через ров.

127 «Как бурный ключ на сем конце дороги
Мелеет с каждым шагом, так равно
И с той страны, – сказал мне спутник строгий —

130 Все глубже, глубже каменное дно.
Он вниз гнетет, доколь упадет в те бездны,
Где в век стенать тиранству суждено.

133 Там правосудье суд творит возмездный
Над тем Агтилой, что был бич земли;
Там Пирр и Секст; там вечно токи слезны

136 Сливают с кровью, где на век легли,
Реньеро Падзи и Реньер Корнето,
Что по дорогам столько войн вели».

139 Здесь вброд провел меня он и поэта.

Песнь XIII

Содержание. Поэты вступают во второй отдел седьмого круга, где наказуются насильователи самих себя – самоубийцы, превращенные в деревья, и расточители, нагие тени, вечно преследуемые адскими псами. Деревья самоубийц образуют густой непроходимый лес, в котором на ветвях вьют гнезда отвратительные Гарпии. Данте слышит человеческие вопли, но никого не видит. По приказанию Виргилия, он ломает ветвь с одного дерева и с ужасом видит истекающую из него кровь и слышит стоны. В дереве заключена душа Пиетро делле Винье, секретаря Фридерика II. По просьбе Виргилия, он повествует о причине, побудившей его к самоубийству, просит защитить на земле честь свою от наветов зависти и дает сведение о состоянии души в этом круге. Едва Винье кончил, как две нагие тени с ужасом пробегают мимо поэтов, гонимые черными птицами. Впереди бегущая тень Сиенца Лано призывает смерть; другая же, тень Падуанца Иакопо ди Сант'Андреа, в изнеможении укрывается за кустом; псы набегают, рвут ее на части и разорванные члены растаскивают по лесу. При этом они разрывают и куст, который, обливаясь кровью, стонет, и на вопрос Виргилия дает сведение о себе и родном своем городе – Флоренции.

- 1 Еще Кентавр не перешел пучины,
 Как в дикий бор вступили мы одни,
 Где ни единой не было тропины.
- 4 В нем, скорчившись, растут кривые пни;
 В нем все темно, без зелени, без цвета;
 В нем яда полн бесплодный терн в тени.
- 7 В такую глушь, в такую дичь, как эта,
 Не мчится вебрь с возделанных полей
 В стране между Чечины и Корнета.
- 10 Вьют Гарпии там гнезда из ветвей,
 Прогнавшие с Строфад Энея криком,
 Пророческим предвестником скорбей.

Вьют Гарпии там гнезда из ветвей

- 13 На крыльях длинных, с человеческим ликом,
С когтями на лапах, с чревом птиц, они
На страшных пнях кричат в смятенье диком.
- 16 «Пока мы здесь, – сказал учитель мне, —
Узнай, мой сын, ты во второй долине,
И будешь ты дотоле в сей стране,
- 19 Пока к ужасной не придешь пустыне;
Смотри ж теперь: ты здесь увидишь то,
Что подтвердит слова мои отныне».
- 22 Со всех сторон я слышал вой; но кто
Стонал и выл, не зрел я, и в смятенье
Я стал, от страха обращен в ничто.
- 25 Вождь, думаю, мог думать, что в сомненье
Подумал я: не скрылся ли в кусты
От нас народ, рыдавший в отдаленье;
- 28 И потому сказал он: «Если ты
Одну хоть ветку сломишь в роще темной,
То вмиг рассеются твои мечты».
- 31 Вблизи от нас терновник рос огромный:
Я ветвь сломил с него; но он с тоской:
«За что ломаешь? – простонал мне томно,

34 И, потемнев от крови пролитой,
Вскричал опять: «Что множишь мне мученья?
Иль жалости не знаешь никакой?

37 Когда-то люди, ныне мы растенья;
Но будь мы души змей самих, и к ним
Иметь ты должен больше сожаленья».

*Вблизи от нас терновник рос огромный:
Я ветвь сломил с него...*

40 Как с одного конца горит, другим
И пенится и стонит прут зеленый
И по ветру, треща, бросает дым —

43 Так здесь из ветви, издававшей стоны,
Струилась кровь и, бросив ветвь, я стал,
Как человек внезапно уstraшенный.

46 «Злосчастный дух! – мудрец мой отвечал. —
Когда б сперва поверил он преданью,
Которое в стихах я рассказал, —

49 Он до тебя не прикоснулся б дланью.
Я сам скорблю, что ваш чудесный плен
Подвиг меня к такому испытанию.

52 Скажи ж, кто ты; а он тебе взамен
Возобновит величье славы шаткой,
Пришедши в мир из мрака адских стен».

55 И терн: «Так сильно манишь речью сладкой,
Что я молчать не в силах, и на миг —
О выслушай! – прильну к беседе краткой.

58 Я тот, кому от сердца Фридерик
Вручил ключи, чтоб отпирал по воле

И запирал я дум его тайник,

61 Для всех других уж недоступный боле;
Теряя сон и силы для трудов,
Я исполнял свой долг в завидной доле.

64 Развратница, что с кесарских дворцов
Бесстыдных глаз вовек не отвращала, —
Смерть общая и язва всех веков —

67 Против меня сердца воспаляла
И, Августу то пламя передав,
Свет радости в мрак скорби обращала.

70 Тогда мой дух, в отчаяние впад,
Мечтал, что смерть спасет от поношенья,
И, правый, стал перед собой неправ.

73 Клянусь корнями юного растенья:
Всегда хранил я верности обет
Монарху, столь достойному почтенья.

76 Когда ж из вас один придет на свет,
Пусть честь мою спасет от поруганья
И отразит завистников навет».

79 Тут он замолк, и, полный состраданья,
Сказал мне вождь: «Минут теперь не трать
И спрашивай, коль есть в тебе желанья».

- 82 Но я ему: «Сам спроси опять
О том, что знать полезным мне считаешь:
Душа скорбит; нет сил мне вопрошать!»
- 85 «О бедный узник! если ты желаешь,
Чтоб просьб твоих не презрел человек,
Благоволи нам объяснить, коль знаешь,
- 88 Как в эти пни, – учитель мой изрек, —
Вселились души? о скажи: в сем теле
Останутся ль они в плену навек?»
- 91 Тогда вздохнул колючий терн тяжёло,
И вздох потом сложился так в слова:
«Короток будет мой ответ отселе.
- 94 Как скоро дух все узы естества,
Свирепый, сам расторгнет: суд Миноса
Уж шлет его в жерло седьмого рва.
- 97 И дух, упав в дремучий лес с утеса,
Ложится там, куда повергнет рок,
Где и пускает стебель как колос проса.
- 100 И стебель растёт, искривлен и высок,
И Гарпии, кормясь его листьями,
Творят тоску и для тоски исток.

- 103 Подобно всем, пойдем мы за телами,
Но в них не внимем: правый суд Небес
Нам не отдаст, что отдали мы сами.
- 106 Мы повлечем их за собою в лес:
У каждого из нас в бору угрюмом
Повиснет тело на ветвях древес».
- 109 Вниманья полн, весь предан грустным думам,
Еще я ждал от терна новых слов,
Как вдруг я был испуган страшным шумом.
- 112 Так человек, пред кем из-за дерев
Несется вепрь, и в след за ним борзые,
Внимает треску сучьев, лаю псов.

*И вот, налево, бледные, нагие,
Несутся двое...*

- 115 И вот, налево, бледные, нагие,
Несутся двое с скоростью такой,
Что вкруг ломают сучья пней кривые.
- 118 Передний выл: «О смерть, за мной! за мной!»
Меж тем другой, не столько быstroногий:
«О Лан, – вопил, – с потехи боевой
- 121 При Топпо, так тебя не мчали ноги!»
И прибежав к кусту во весь опор,
Запыхавшись, к нему припал в тревоге.
- 124 За ними вдруг наполнили весь бор
Станицы псиц¹⁶ голодных, черной масти,
Как стаи гончих, спущенных со свор.
- 127 Укрывшийся не избежал их пасти:
Псы, растерзав его в куски, в куски,
Размыкали¹⁷ трепещущие части.
- 130 Тут вождь подвел меня за кисть руки
К тому кусту, который, кровью рдея,
Вотще стонал от боли и тоски

¹⁶ Псица, *жс.* (устар.) – самка собаки, сука.

¹⁷ Размыкать, *гл. несов.* (разг.) – разогнать, рассеять, растащить.

- 133 И говорил: «О Якоп Сант'Андреа!
Зачем ты скрылся за кустом моим?
За что терплю я за грехи злодея?»
- 136 Тогда мой вождь, остановясь пред ним,
Спросил: «Кто ты, струящий кровь с слезами
Из стольких ран, злой горестью крушим?»
- 139 А он: «О души, вам же небесами
Дано увидеть страшный стыд того,
Чьи ветви так растерзаны пред вами,
- 142 Сберите их вокруг терна моего!
Я в граде жил, сменившем так коварно
Старинного патрона своего.
- 145 За то он губит град неблагодарный
Своим искусством, и когда бы снят
Был истукан его с моста чрез Арно,
- 148 То граждане, средь пепла и громад,
Оставленных Аттилой при разгроме,
Вотще¹⁸ б трудились, воздвигая град.
- 151 Повесился там в собственном я доме!»

¹⁸ Вотще́, *нареч.* (книжн. устар.) – напрасно, тщетно.

Песнь XIV

Содержание. При имени Флоренции, Данте, растроганный любовью к отечеству, подбирает разбросанные листья флорентинца и складывает их вокруг его куста. Затем поэты приходят к границе, отделяющей второй отдел седьмого круга от третьего, где казнится насилие против Бога. Перед глазами Данта открывается необозримая и бесплодная степь, горячие пески которой вечно раскаляются огнем, падающим на них длинными полосами. Грешники образуют из себя три стада: одни лежат навзничь: кто богохульники; другие сидят, скорчившись: кто ростовщики; третья, самая большая толпа содомитов находится в вечном бегстве. — Потом, все более и более удаляясь от леса и миновав первую толпу богохульников, поэты приходят к клокочущему потоку Флегетону, на который Virgiliy обращает особенное внимание Данта и при этом случае объясняет ему происхождение адских рек. Все воды адских рек происходят от слез статуи Времени, в образе старца стоящей на горе Иде*****и литой из золота, серебра, меди, железа и глины. За исключением головы, литой из золота, все части ее тела прорезаны морщинами от слез, которые, сливаясь в ад, образуют Стикс, Ахерон, Флегетон и Коцит. Данте спрашивает о Лете и узнает, что река забвения помещена в чистилище. — Затем путники пересекают песчаную

степь, идя мощным берегом Флегетона, над которым гаснет огонь.

- 1 К отечеству подвигнутый любовью,
Я, подобрав листы, их возвратил
Тому, который смолк, облитый кровью.
- 4 Тут мы пришли туда, где смежен был
С вторым отделом третий круг, где строже
Гнев праведный свой ужас проявил.
- 7 Чтоб возвестить Твои пути, о Боже!
Скажу, что в степь пришли мы наконец, —
Бесплодное пустынь песчаных ложе.
- 10 Ту степь обвил лес скорби как венец,
Как и его объемлет ров жестокий:
Здесь, на меже, со мною стал певец.
- 13 Песок сухой, горячий и глубокий
Лежал в степи, подобный тем пескам,
По коим шел Катон в поход далекий.
- 16 О гнев Господень, как ты грозен там!
Так пусть же каждый с ужасом читает
О том, что мне представилось очам!
- 19 Там взор стада нагих теней встречает:
Все горько плачут в бешеной тоске;
Но, мнится, суд неравный их карает.

- 22 Одни лежат там навзничь на песке,
Сидят другие, корчась, в страшном поле,
А третьи вечно мчатся вдалеке.
- 25 Теней, блуждающих кругом, всех боле;
Лежащих же под мукой меньше всех,
За то сильней скорбят о лютой доле.
- 28 Дождь огненный, карая гнусный грех,
Там сходит тихо длинными клоками,
Как падает в затишье в Альпах снег.
- 31 Как в Индии, под знойными лучами,
Зрел Александр над сонмами дружин
Огонь, сходявший до земли волнами;
- 34 Тогда войскам велел он средь равнин
Топтать песок затем, чтоб пламень ярый
Скорее гас, пока горел один:
- 37 Так вечные нисходят там пожары,
Чтоб зажигать, как под огнивом трут,
Пески степей для удвоенья кары.

*Дождь огненный, карая гнусный грех,
Там сходит тихо длинными клоками*

40 Без отдыха, как в пляске (тщетный труд!)
С себя стряся пламень вечно новый,
Вкруг мечутся их руки, там и тут.

43 «О вождь! – я рек. – О ты, на все готовый
И все смиривший, кроме адских орд,
Представших нам у врат толпой суровой,

46 Кто сей гигант, который столько горд,
Что, кажется, к нему и не касался
Дождь огненный, под коим он простерт?»

49 Но грешник сам, как скоро догадался,
Что я об нем расспрашивал певца,
Вскричал: «Как жил, таким я и остался!

52 Пусть утомит Юпитер кузнеца,
У коего взял в гневе остры стрелы
Пронзить мне грудь в день моего конца;

55 Пусть утомит и в безднах Монджибеллы,
При черном горне, всю его семью,
Крича: Вулкан, спаси, спаси, о смелый!

58 Как восклицал в флегрийском он бою,
И пусть громит меня он всею силой,

Все ж не вполне смирит он грудь мою!»

61 Тогда вскричал мой вождь с такою силой,
Как никогда он не взывал громчей:
«О Капаней, за то, что и могилой

64 Не укрощен, наказан ты сильнее!
И злость твоя, жесточе всякой казни,
Терзает ярость гордости твоей!»

67 И мне потом сказал он, полн приязни:
«Он был в числе семи царей у Фив:
Неистовый, не ведал он боязни,

70 И, как сперва, доныне нечестив;
Но, как я рек ему, клеймом достойным
Ему послужит гордых дум порыв.

73 Теперь иди за мною; но по знойным
Пескам степей не направляй следа:
Вблизи лесов пойдем путем спокойным».

76 В молчании достигли мы туда,
Где из лесу бежал источник малый,
Его же цвет мне страшен навсегда.

79 Как Буликаме бьет ключом в провалы
Где грешницам лечиться суждено:
Так по песку кипел источник алый.

- 82 Окраины, его бока и дно —
Гранитные, и здесь-то, мне казалось,
Был путь, которым проходить должно.
- 85 «Среди всего, что здесь тебе являлось,
С тех пор, как мы вошли за адский праг,
Доступный всем, мой сын, не представлялось
- 88 Нам ничего столь важного в кругах,
Как этот ключ достойный замечанья;
Взгляни: в нем гаснет пламя на волнах».
- 91 Так мне сказал мой вождь и, полн вниманья,
Я отвечал: «Дай пищи мне, пиит,
Уж если к ней ты пробудил желанья».
- 94 И он: «Есть в море дикий остров, Крит;
Там жил Сатурн, в век коего обида
И брань смущать не смели юный быт.
- 97 Гора там есть: она, прозваньем Ида,
Красуясь древле зеленью лесов,
Теперь грозна угрюмостью вида.
- 100 Нашла там Рея сыну верный кров;
Там от отца лишь тем был Зевс избавлен,
Что плач его сливался в крик жрецов.

- 103 Гигантский старец в той горе поставлен:
 Обращены к Дамьетти рамена,
 Но лик, как в зеркало, на Рим направлен,
- 106 Глава его из золота создана,
 Из чистого серебра и грудь и длани
 И медь потом до самых бедр видна.
- 109 От бедр до ног все из отборной стали,
 Лишь правая из глины: подпертой
 Ногою правой, он стоит в печали.
- 112 На каждой части, кроме золотой,
 Прорезаны струями слез морщины,
 И слезы те, прорывши грот, рекой
- 115 Бегут со скал, чрез мрачные пучины,
 В Стикс, в Ахерон и Флегетон, потом
 Стремятся вкруг, вдоль узкой сей лощины,
- 118 Где более сходить нельзя, и в нем
 Падут в Коцит: туда нас путь низводит,
 И я молчу об озере льдяном».
- 121 И я: «Но если в мире происходит
 Источник сей, то почему же он
 Пред нас впервые только тут выходит?»
- 124 А вождь: «Сей край, ты знаешь, округлен,

И хоть со мной ты в ад проник глубоко,
Все влево в глубь спускаясь чрез наклон;

127 Но все ж не весь обойден круг широкий.
Так не дивись же ты в душе своей,
Коль много нового здесь встретит око».

130 «Где ж Флегетон? где Лета? ты об ней
Не говоришь; о первом же заметил,
Что он возник из слез в пучине сей?»

133 «Хвалю твои вопросы, – он ответил, —
Но ты и сам решишь один из них,
Коль клокотанье красных волн приметил;

136 Узришь и Лету, но не в безднах сих,
А там, куда душа идет омыться,
Покаявшись во всех грехах своих.

139 Но время нам от леса удалиться.
Старайся же идти за мной; взгляни:
Гранит плотин не может раскалиться,

142 Затем, что пар здесь гасит все огни».

Песнь XV

Содержание. Поэты идут по одной из каменных плотин Флегетона. Вдоль плотины навстречу им бежит толпа содомитов. Один из них узнает Данта: это его учитель, Брунетто Латини. Он спрашивает ученика о причине замогильного его странствования и, поощрив его к продолжению трудов, предсказывает ему славу, а вместе с тем и изгнание, при чем жестоко порицает флорентинцев. Данте оказывает глубокое уважение своему учителю, уверяет его, что готов на все превратности судьбы, лишь только бы совесть его была спокойна, и узнает, что большая часть наказуемых здесь грешников были люди, прославившиеся своей ученостью. Затем, напомнив ученику свое сочинение, Брунетто Латини поспешно убегает.

- 1 Вот мы идем по каменной твердыне,
 Где пар с ручья туманом восстает
 И гасит огонь в волнах и на плотине.

- 4 Как между Бригге и Кадзантских вод,
 Страшася с моря грозного набега,
 Фламандцы строят против волн оплот;

- 7 Как Падуанцы защищают с берега,
 Вдоль бурной Бренты, виллы и сады,

Пока на Альпах зной не тронул снега, —

- 10 Так здесь плотин устроены ряды,
Хотя не столь громадно и высоко,
Строитель вечный, их воздвигнул Ты.
- 13 Уж были мы от леса так далеко,
Что усмотреть его не мог бы взор,
Как сильно бы ни напрягалось око.
- 16 Тут встретили мы грешных душ собор,
Бежавший вдоль плотины; он с испугом
Нас озирает, как делаем обзор,
- 19 При новолунье, встретившись друг с другом,
И как глядит в ушко иглы портной,
Прищурившись, расслабленный недугом:
- 22 Так в нас ресницы изощрял их строй.
Тут кто-то вдруг меня за полу платья
Схватил, вскричав: «Не диво ль предо мной!»
- 25 Пока ко мне он простирал объятья,
Я взор вперил в лицо с следами бед,
И обгорелый лик с клеймом проклятья
- 28 Я вмиг узнал, знакомый с юных лет.
Склонясь лицом к его лицу, с приветом:
«Вы ль это здесь, — вскричал я — сэр Брунет?»

31 А он: «Мой сын, не постыдись с Брунетом
Пройти назад хоть несколько шагов,
И пусть толпа меж тем бежит». — «Об этом, —

*Я взор вперил в лицо с следами бед,
И обгорелый лик с клеймом проклятья*

34 Был мой ответ, – я сам молить готов,
И, если вам угодно, с вами сяду,
Коль тот дозволит, с кем иду в сей ров».

37 «О сын! – сказал он. – Всяк, причтенный к стаду,
Лишь миг помедлит, будет осужден
Лежать в огне, сто лет не движась кряду.

40 Иди, а я, держась за твой хитон,
Пойду вослед; потом сольюсь с отрядом,
Подъемлющим под мукой вечный стон».

43 Я не дерзал, сойдя с дороги, рядом
С ним проходить, но шел, как человек
Почтительный, с поникшим долу взглядом.

46 «Какой же рок, иль случай, – он мне рек, —
Ведет тебя до срока в край ужасный?
И кто возвел тебя на этот брег?»

49 «Там, там, вверху, – сказал я, – в жизни ясной,
Еще преклонных не достигнув лет,
Я потерял в долине путь опасный.

52 Вчера я утром из юдоли бед
Уж вспять бежал, когда *его* я встретил:

Он сим путем ведет меня на свет».

55 «Иди ж вослед звезде, – он мне ответил, —
И в пристань славы вступишь ты за ней,
Коль в жизни той все ясно я заметил.

58 Когда б так рано я не кончил дней,
То убедясь, сколь Небо благосклонно,
Я б был в трудах опорой твоей.

61 Но твой народ жестокий, незаконный,
От Фиезолы свой ведущий род
И в твердость скал доныне облеченный,

64 Тебе ж во благо, брань с тобой начнет,
И поделом: ведь с горечью рябины
Созреть не может фиги сладкий плод!

67 Слепым был назван встарь не без причины
Надменный род, завистливый, скупой —
О, будь же чист меж ними ты единый!

70 Таковую честь тебе даст жребий твой,
Что все начнут алкать в тебе сочлена;
Но – далее от клюва злак такой!

73 Пусть скот Фьезолы жрет своих как сено;
Но да не тронет злака, если там
В его помете, из гнилого тлена,

- 76 Еще возможно вырасть семенам
 Великих Римлян, живших в граде – в этом
 Гнезде злодейств, противных Небесам».
- 79 «Когда б Господь внимал моим обетам,
 Так рано б рок дней ваших не пресек
 И вы б еще не разлучились с светом.
- 82 Я впечатлел в душе своей навек
 Ваш добрый вид, отеческий, бесценный,
 Познав от вас, чем может человек
- 85 Достичь бессмертия в сей жизни тленной,
 И, как ценю я вас, пока дышу,
 Мои уста поведают вселенной.
- 88 Все, что вы мне сказали, запишу
 И, эту весть, храня в душе с другою,
 Им объясненья в небе испрошу.
- 91 Меж тем и вам я мысль свою открою:
 Лишь только б совесть ведала покой,
 А я готов идти на брань с судьбою.
- 94 Уже не нов задаток мне такой;
 Так пусть же рок вращает шар заветный,
 Как вздумает, а пахарь заступ свой!»

- 97 Тут, обратясь направо, взор приветный
Ко мне склонил и мне вещал поэт:
«Кто замечает, тот внимал не тщетно!»
- 100 Меж тем со мной беседу вел Брунет
И я спросил: «Кто из толпы печальной
Всех более прославлен?» И в ответ
- 103 Он мне: «Узнать здесь об одних похвально;
Но умолчать приличней о других:
Мне их не счесть, а путь лежит мне дальний.
- 106 Короче: сонм духовных здесь одних,
Людей ученых, славы громозвучной;
Один и тот же грех пятнает их.
- 109 Там Прискиан с толпою злополучной;
Франциск д'Аккорсо с ним бежит вокруг,
И, если видеть этот суд не скучно,
- 112 Взгляни: вот он, кого служитель слуг
Переместил от Арно к Баккильону,
Где сокрушил ему хребет недуг.
- 115 Но кончим; время уж кладет препону
Беседе вашей: вижу я давно,
Что новый дым клубится там по склону.
- 118 Уж близок строй, где быть мне не должно!

Я об одном прошу: читай *Tesoro*,
Мой славный труд, где жить мне суждено».

121 Тут, повернув, помчался он так скоро,
Как будто бы в Вероне он бежал,
И мог его сравнить я с тем, который

124 Сорвал сукно, не с тем, кто проиграл.

Песнь XVI

Содержание. Шум Флегетона, свергающегося водопадом в следующий круг, долетает до слуха поэтов. Они приближаются к восьмому кругу. От толпы содомитов, бегущих под огненным дождем, отделяются три тени и, догоняя Данта, умоляют его остановиться. Виргилий повелевает ему исполнить их желания, и тени, прибежав к Данту, схватываются руками, кружатся перед ним и объявляют свои имена. Это три государственные мужи Флоренции: Теггъ-яио Альдобранди, Иакопо Рустикуччи и Гвидогверра. Данте изъявляет глубокое уважение к ним и к их заслугам отечеству и на вопрос их о состоянии Флоренции выражает сильное негодование на испорченность ее нравов. Тени, похвалив его за пламенную любовь к родине и попросив напомнить о себе живым, поспешно убегают. Поэты идут далее и наконец достигают ужасной бездны. Виргилий бросает в нее вервь,¹⁹ которою был опоясан Данте. Из бездны выплывает страшное чудовище.

- 1 Уже я был над каменною гранью,
Где водопад, свергаясь в нижний круг,
Подъемлет шум, подобный пчел жужжанию.

¹⁹ Вервь, *суц. ж. р.* (устар.) – верёвка.

- 4 Тогда три тени, отделившись вдруг
От строя душ, бежавших непрерывно
Под страшным ливнем жесточайших мук,
- 7 Помчались к нам, подъявля крик призывный:
«Остановись! судя по платю, ты
Идешь из нашей родины противной!»
- 10 Увы! как страшны были их черты,
Спаленные огнем ужасной нивы!
О том досель смущают дух мечты.
- 13 Наставник мой слышал их призывы
И, обратясь, сказал: «Повремени!
Для этих душ должны мы быть учтивы.
- 16 И я сказал бы, если б здесь огни
На зыбь песков так страшно не змеились,
Что лучше б ты так мчался, чем они».
- 19 Вновь поднялся — лишь мы остановились —
Их прежний клик; когда ж догнали нас,
Как колесо три тени закружились.
- 22 И как бойцы, на битву обнажась,
Чтоб отразить успешней нападение,
Один с другого не спускают глаз:
- 25 Так все, кружась, в меня вперяли зренье
И никогда с движеньем быстрых ног

Не совпадало лиц их направление.

28 Тут тень одна: «Коль зыбкий сей песок,
Коль образ наш обугленный, увечный,
Презрительным являют наш порок,

31 Склонись, хоть ради нашей славы вечной,
Сказать: кто ты, что смелоходишь к нам,
Еще живой, в край муки бесконечной?

34 Вот он, за кем бегу я по пятам,
Теперь нагой, весь черный и убогий,
Едва ль поверишь, как был славен *там!*

37 Он храбрый внук Гвальдрады, в жизни строгой,
Тот Гвидогверра, что числом побед
И разумом прославился так много.

40 Другой, в степях бегущий мне вослед,
Был Альдобранди, тот Теггьяйо славный,
Чьим именем гордиться должен свет.

43 А я, гнетомый с ними казнью равной,
Я Рустикуччи и, поверь, вполне
Погиб навеки от жены злонравной».

46 О! если б был я невредим в огне,
Немедля б спрыгнул я к сынам проклятья
И, знаю, вождь не воспретил бы мне.

- 49 Но страх сгореть, как эти злые братья,
Вмиг утушил на сердце без следа
Порыв желаний к ним лететь в объятья.
- 52 «Нет, не презренье, – я вскричал тогда, —
Но скорбь вселили в грудь мне ваши лики
Печальные (забуду ль их когда!),
- 55 Лишь только я от моего владыки
Уразумел, что к нам стремитесь вы,
Чьи подвиги так на земли велики.
- 58 Деянья ваши были таковы,
Что я, земляк ваш, с чувством горделивым
Всегда о них внимал из уст молвы.
- 61 Покинув желчь, я за вождем правдивым
Стремлюсь к плодам обещанным; сперва ж
Низринусь в центр вселенной к злочестивым».
- 64 «О пусть же долго телу будет страж
Твой дух бессмертный! – молвил сын печали. —
Пусть и потомству славу передашь!
- 67 Честь и отвага, о скажи, всегда ли
Живут, как жили, в городе родном,
Иль навсегда из стен его бежали?

70 Гюйдебельм Борсьер, гонимый там огнем,
Недавний гость средь нашего собрания,
Печалит нас рассказами о нем».

73 «Иной народ и быстрые стяжанья
В тебя вселили гордость и позор,
Флоренция, дом скорби и рыданья!» —

76 Так я вскричал, поднявши кверху взор,
И три души, смутясь при этой весте,
Услышали как будто приговор.

79 «О если всем ты говоришь без лести, —
Все три вскричали, — как ответил нам,
Как счастлив ты, что говоришь по чести!

82 И так, прошед по мрачным сим местам
И возвратясь из стран светил прекрасных,
Когда с восторгом скажешь: я был *там*!

85 Поведай людям и об нас несчастных!»
И, круг расторгнув, как на крыльях, вспять
Они помчались вдоль песков ужасных.

88 Нельзя так скоро и *аминь* сказать,
Как быстро скрылись с глаз моих три духа.
Тогда пошел учитель мой опять.

91 Я шел недолго с ним, как вдруг до слуха

Достиг шум вод, столь близкий, что едва
Звук наших слов могло расслушать ухо.

94 Как тот поток, который мчит сперва
Свой бег с Монвезо на восток по воле,
От левой кручи Апеннин, слывя

97 В верховьях Аквакеттою, доколе
Падет в русло долины у Форли,
Где это имя уж не носит боле,

100 И с яростью грохочет не вдали
От Бенедетто, падая с вершины,
На коей жить и тысячи б могли:

103 Так здесь, свергаясь с каменной стремнины,
Ток мутных вод подьмет страшный гром,
Слух оглушая грохотом пучины.

106 Мой стан обвит был вервию кругом,
Которую когда-то безуспешно
Ловил я Барса с дорогим руном.

109 И эту вервь над бездной мглы кромешной
Я отрешил, как вождь мне приказал,
И, в клуб смотав, вручил ему поспешно.

112 И вождь, склонясь направо и от скал
Немного отойдя, что было мочи

Поверг ее в бездонный сей провал.

115 Знать нечто новое из мрака ночи,
Подумал я, всплывет на новый знак,
За коим так следят поэта очи.

118 О будь же с теми осторожен всяк,
Что не одни лишь зрят дела очами,
Но разумом пронзают мыслей мрак.

121 И вождь: «Сейчас предстанет то пред нами,
Чего я жду, и то, о чем в тиши
Ты грезишь, сам увидишь над волнами».

124 Об истине, приявшей образ лжи,
Чтоб без вины осмеян не был с нею,
О человек, поведать не спеши!

127 Но здесь молчать, читатель, я не смею,
И я клянусь Комедией моей
(Да в век пребудет благодать над нею!) —

130 Я зрел во мгле воздушных тех полей
Гигантский образ, кверху выплывавший,
Ужасный для смелейших из людей.

133 Так, вверх стремясь и ноги подобравши,
Всплывает тот, который, бросив челн,
Нырнул на дно, чтоб якорь, там застрявший

136 Между каменьев, вытащить из волн.

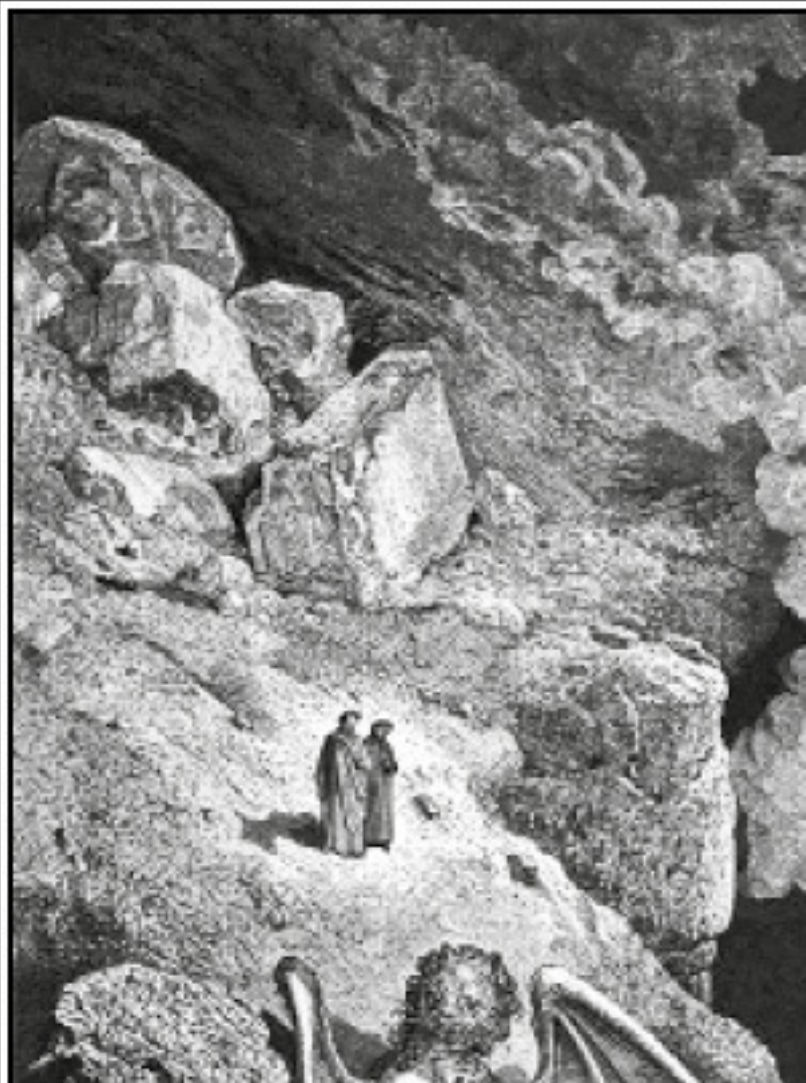
Песнь XVII

Содержание. На знак, поданный *Виргилием*, *Герион* древних, олицетворение обмана, примыкает к каменной плотине *Флегетона*. Лицо у него праведное, лапы мохнатые, хвост змеиный, а тело все испещрено узлами и кольцами. Поэты сворачивают с дороги, чтобы к нему приблизиться. Пока *Виргилий* уговаривается с *Герионом* о помощи его сильных плеч, *Данте* идет один к краю пропасти, где под огненным дождем, на раскаленном песке, сидит толпа ростовщиков, направлявших насилие против природы и искусства, а следовательно и Бога. У каждого из них на шее повешена сума с различными гербами: на них жадно устремлены немые взоры грешников. Один из ростовщиков разговаривает с *Дантом* и предсказывает место в аду другому известному ростовщику, еще живому в то время. *Данте*, возвратившись к *Виргилию*, находит его уже на спине чудовища и с ужасом сам всходит на спину *Гериона*; но *Виргилий*, сидя позади *Данта*, защищает его от ядовитого хвоста чудовища. Они летят чрез пропасть над страшным водопадом *Флегетона*. Высадив поэтов на окраине восьмого круга, *Герион* скрывается, с быстрой стрелы.

- 1 «Вот лютый змей с хвостом остроконечным,
Дробящий сталь и твердость стен и скал!

Вот он весь мир зловоньем губит вечным!» —

- 4 Так начал вождь и знак рукою дал,
 Чтоб грозного приблизить великана
 Ко мраморам, где путь наш пролегал.
- 7 И страшный образ гнусного обмана
 Главой и грудью к берегу приник,
 Но не извлек хвоста из мглы тумана.
- 10 Был лик его — людей правдивых лик:
 Столь кроткими глядел на нас глазами,
 Но как у змей был хвост его велик.
- 13 Мохнатые две лапы под плечами.
 А грудь, бока и весь хребет, как жар,
 Испещрены узлами и кружками.

И страшный образ гнусного обмана
Главой и грудью к берегу приник

- 16 Цвета одежд у Турок и Татар
С изнанки и с лица не столько ярки;
Не так сплетен Арахны дивный дар.
- 19 Как иногда лежат на взморье барки,
Полу в воде, полу в песке до ребр,
И как у вод, на бой готовясь жаркий,
- 22 Сидит, в стране обжор немецких, бобр:
Так на краю, обвившем степь гранитом,
Лежал дракон, с лица приветно добр.
- 25 Он хвост крутил в пространстве, мглой покрытом,
Как скорпион, вращая острием,
Вооруженным жалом ядовитым.
- 28 «Теперь, – сказал учитель мой, – сойдем
С дороги нашей к лютому дракону,
Простертому на берегу крутом».
- 31 И мы спустились вправо по наклону
И пять шагов по берегу прошли,
Чтоб от огня найти там оборону.
- 34 Как скоро мы к дракону подошли,
Вдали узрел я на песке собранье

Теней, сидевших на краю земли.

37 Тогда мой вождь: «Чтоб полное познание
О круге сем ты мог отсель извлечь,
Поди, – сказал, – взгляни на их страданье;

40 Но коротка твоя да будет речь.
А я склоню его первоначально
Дать в помощь нам громаду мощных плеч».

43 Так берегом я к точке самой дальней
Седьмого круга шел один, пока
Пришел к толпе, сидевшей там печально.

46 Из их очей сверкала их тоска:
То там, то здесь руками тушат духи
То пыл огней, то знойный жар песка.

49 Так точно псы, в дни жара и засухи,
То рылом чешут, то ногой, где их
Кусают блохи, оводы, иль мухи.

52 Я заглянул в лицо теней иных,
На коих тлели клочья огневые;
Но никого не мог узнать из них.

55 Зато я зрел у каждого на вые
Мешок, имевший разный знак и цвет:
В него впивались взоры их немые.

- 58 И я увидел, ближе подошел,
На желтом кошельке предмет лазурный
И был со львом по виду схож предмет.
- 61 И далее я зрел как кровь пурпурный
Мешок, на коем молока белей
Написан гусь. – И вот, со злостью бурной,
- 64 Один, имевший на суме своей
На белом поле супрость голубую,
Вскричал: «Чего ты смотришь в яме сей?
- 67 Прочь, дерзкий! прочь! Но если ты живую
Имеешь душу, ведай: Витальян
Соседом мне тут сядет одесную.²⁰
- 70 Я, Падуанец, здесь между граждaн
Флоренции; тут часто диких орды
Кричат: Приди, наш славный атаман,
- 73 И принеси три клюва с – герб твой гордый!»
И, скорчив рот, он высунул язык,
Как бык, когда он лижет влагу с морды.
- 76 И я, страшась, что слишком вдаль проник,
(А вождь велел не медлить мне в долине)
Пошел от злых; они ж подняли крик.

²⁰ Одесную, *нареч.* (устар.) – справа.

- 79 Уж мудреца нашел я на вершине
Чудовища и со спины крутой
Он мне кричал: «Будь смел и силен ныне:
- 82 Здесь сходят вглубь по лестнице такой!
Сядь впереди, а чтоб хвостом он раны
Не мог нанести, я сяду за тобой».
- 85 Как тот, к кому близка уж знобь²¹ квартаны²²,
Когда уже синеет цвет ногтей,
Трясется весь, лишь взглянет на туманы:
- 88 Так я дрожал от сказанных речей;
Но как герой войска для предприятия,
Так он бодрил меня на подвиг сей.
- 91 Воссев на плечищах, хотел сказать я:
«О вождь!.. – но голос, как я ожидал,
Не вышел. – ...вождь, прими меня в объятья!»
- 94 Но он, который столько раз спасал
Меня в аду, едва я взлез, руками
Обвил меня и, крепко сжав, сказал:
- 97 «В путь, Герион, широкими кругами,
Но медленней спускайся: не забудь,
Что новый груз подъемлешь ты плечами!»

²¹ Знобь, *жс.* – озноб, дрожь.

²² Квартана, *жс. мед.* (quartan син.) – четырехдневная малярия.

- 100 Как от земли корабль уходит в путь
Назад, назад: так вдаль он отступает;
И, на простор вступив, туда, где грудь
- 103 Его была, вдруг хвост он обращает
И бьет хвостом, как угрь, свирепый зверь,
И лапами он воздух загребает.
- 106 Нет! не сильней ты трепетал, поверь,
О Фаетон, когда бразды²³ оставил,
Зажегши твердь, как видно и теперь;
- 109 Иль ты, Икар, когда огонь расплавил
На крыльях воск, и вслед тебе отец
Кричал: «О сын, ты худо путь направил!» —
- 112 Как я дрожал, когда со мной певец
Взлетел, когда в воздушном океане
Все, кроме змия, скрылось наконец.
- 113 Он тихо, тихо плыл, кружась в тумане
И нисходя; но я лишь замечал,
Что ветер в лицо и снизу дул в буране.
- 118 Уже, от нас направо, я внимал,
Как водопад шумел, ревел под нами,
И я, нагнувшись, взор на дно вперял.

²³ Бразды, мн. (книжн., устар.) – конские удила, узда.

121 И большой страх я чуял над волнами.

И, в трепете, я мог сидеть едва,

Услышав вопль и огонь увидев в яме.

Он тихо, тихо плыл, кружась в тумане

124 Тут я узрел, чего не зрел сперва,
Как змий, кружась, спускался в омут душный
Меж ярых мук отчаянного рва.

127 И как сокол, свершив полет воздушный,
Когда ни птиц, ни чучел не нашел,
При криках ловчего: «О, непослушный!»,

130 Вдруг кольцами спускается на дол
И от ловца вдали один садится,
Измученный полетом, дик и зол, —

133 Так Герион в глубокий ров стремится,
Чтоб сбросить нас к подножию скалы,
И, облегчен от груза, снова мчится,

136 Скрываясь в мраке с быстротой стрелы.

Песнь XVIII

Содержание. Со спины Гериона Данте обзирает все пространство преисподней ада, которую описывает вообще как глубокое жерло с окраиной, разделенною на десять концентрических рвов, через которые перекинуты в виде мостов огромные утесы. Эти рвы составляют восьмой круг ада, названный Злыми рвами (*Malebolge*): здесь наказуется обман без доверия. – Сброшенные в этот круг Герионом, поэты идут налево и приходят к первому рву: тут рога-тые черти бичуют торговавших слабостью женского пола (*ruffiani*) и обольстителей; грешники бегут двумя – один другому противоположными – строями. Из первого строя, бегущего навстречу поэтам, Данте узнает Болонца и Гвельфа Каччианимако, с которым и разговаривает; из второго – мифическое лицо Язона, похитителя золотого руна и обольстителя Изифилы и Медеи. Поэты идут далее и достигают второго рва, столь глубокого и узкого, что дно его можно рассмотреть только с самой высшей точки моста. В нем погружены в зловонную жидкость льстецы; они кричат, бьют себя руками и задыхаются. Из них Данте узнает одного грешника, Алеесио Интерминеи из Лукки; а Virgilий указывает ему на тень прелестницы Таиды, лица из Теренциевой комедии «Эвнух».

- 1 В аду есть округ, *Злые рвы* прозванием:
Весь каменный, железа он темней
И обнесен стены таким же зданьем.
- 4 В середине самой проклятых полей,
Бездонный кладезь зев разверз широкий;
Но расскажу не здесь о бездне сей.
- 7 Край пропасти, между стеной высокой
И кладезем, округлен и прорыт
Вкруг десятию долинами глубоко.
- 10 Как идут рвы, стенам надежный щит,
Вкруг крепостей, стесняясь у средины,
И каковой от них приемлют вид:
- 13 Подобный вид имеют те долины,
И как лежат подъемные мосты
При крепостях: так от подошв стремнины
- 16 Кремнистые протянуты хребты,
Идущие чрез стены и провалы,
До кладезя, где все в одно слить.
- 19 Тут, Герионом сброшены на скалы,
Мы очутились; влево путь чернел:
Подвигся вождь, за ним и я, усталый.
- 22 Иную скорбь направо я узрел,

Иных судей, мучения иные,
Которыми весь первый ров кипел.

25 На дне толпились грешники нагие:
Одни отселе двигались на нас,
Оттоле с нами, но быстрее, другие.

28 Так Римляне, в огромный сонм столпясь,
Идут чрез мост, в год славный юбилея,
От множества в два строя разделясь:

31 С одной руки, перед лицом имея
Вал крепостной, в Петров стремятся храм;
С другой, текут к горе, вдали пестрея.

34 Меж черных скал я видел здесь и там
Чертей рогатых с длинными бичами,
Разивших страшно грешных по хребтам.

37 Ах! как бегут вприпрыжку и скачками,
Лишь хлопнет бич, и нет здесь никого,
Кто б ждал еще удара за плечами!

40 Пока мы шли, я встретил одного
Знакомого и молвил в то ж мгновенье:
«Не в первый раз встречаю я его!»

*Меж черных скал я видел здесь и там
Чертей рогатых с длинными бичами*

- 43 Чтоб рассмотреть, в него вперил я зренье;
 А сладкий вождь, остановясь со мной,
 Назад вернуться дал мне позволение.
- 46 Бичуемый, поникнув головой,
 Надеялся укрыться; но напрасно!
 Я молвил: «Ты, так взор склонивший свой, —
- 49 Когда твой образ говорит мне ясно, —
 Ты Венедико Каччианимик!
 За что ж попал ты в щёлок столь ужасный?»
- 52 А он: «Ответа не дал бы язык;
 Но, твоему вняв звонкому глаголу,
 Я вспомнил мир, в котором я возник.
- 55 Я убедил прекрасную Гизолу
 Ответствовать Маркизу на любовь,
 Предав ее злых толков произволу.
- 58 Не я один болонец свергнут в ров:
 Так много нас вмещают эти стены,
 Что не осталось столько языков
- 61 Твердить *sira* меж Рено и Савены;
 А хочешь в этом быть ты убежден,

То вспомни, как жадны́ мои сочлены».

64 Так говорил; но, сзади поражен,
Он бросился, а вслед кричал нечистый:
«Прочь, изверг! здесь не покупают жен!»

67 Я поспешил к вождю тропой скалистой,
И мы пришли с поспешностью туда,
Где из стены торчал утес кремнистый.

70 Тогда, взойдя на камень без труда
И вправо взяв, мы прочь пошли оттуда,
Покинув область вечного суда.

73 Когда ж пришли, где каменная гряда
Дает внизу бичуемым проход,
Мой вождь сказал: «Дождемся здесь, покуда

76 К нам обратит лицо проклятый род:
Сих грешников не мог ты видеть лица,
Затем, что вместе с ними шел вперед».

79 И с древних скал узрел я вереницы
Навстречу нам бежавших под утес,
Которых гнали демонов станицы.

82 И добрый вождь, предвидя мой вопрос,
Сказал: «Взгляни: вот призрак величавый!
Бичуемый, не льет он горьких слез.

- 85 О, как он горд величием царской славы!
Сей дух – Язон, похитивший руно
Колхидское, вождь смелый и лукавый.
- 88 Пришед²⁴ на остров Лемнос, где давно
Отвагой жен в ожесточенье рьяном
Убийство всех мужей их свершено, —
- 91 Приветной речью, красотой и саном
Он Изифилу в цвете лет прельстил,
Увлечшую подруг своих обманом.
- 94 Там, обольстив, ее он позабыл:
За этот грех казнится высшей властью,
И за Медею рок ему отмстил.
- 97 С ним идут все, прельщающие страстью!
О первом рве довольно ты узнал
И о толпе, пожранной черной пастью».
- 100 Мы были там, где узкий путь у скал
Крест-накрест вал второй пересекает,
Ведя на мост через второй провал.
- 103 И в этом рве я слышал, как стенает
Проклятый род и дышит тяжело,
И сам себя разит и проклинаят.

²⁴ Пришед (устар.) – придя.

- 106 Там плесенью берега обволокло
Зловонье дна, сгущаемое бездной,
И брань со всеми чувствами вело.
- 109 Ров так глубок, что было б бесполезно
Смотреть на дно в зловонный сей овраг,
Не взлезши вверх, где свис утес железный.
- 112 Мы на него взобрались и сквозь мрак
Я рассмотрел народ, увязший в тине,
Извергнутой, казалось, из клоак.
- 115 И одного заметил я в пучине
Столь грязного, что рассмотреть нельзя:
Мирянин он, или в духовном чине.
- 118 Он мне кричал: «Что смотришь на меня
Так пристально меж грязными тенями!»
А я: «Затем, что сколько помню, я
- 121 Тебя видал с сухими волосами:
Интерминеи мне давно знаком;
Затем тебя преследую глазами».
- 124 В башку ударив, он сказал с стыдом:
«Лесть мерзкая нас свергла в ров вонючий!
Без устали болтал я языком».

*Он мне кричал: «Что смотришь на меня
Так пристально меж грязными тенями!»*

127 И вождь: «Впери сквозь сумрак взор летучий
И ров глубокий обозри вокруг;
Взгляни: вон там, среди бесчестной кучи,

130 Растрепанной развратницы злой дух
Скребет ногтями грудь в трясине скверной,
То вдруг присядет, то привстанет вдруг:

133 То тень Таиды, грешницы неверной,
Что на вопрос: «Довольна ль мной?» в ответ
Любовнику сказала: «Ах, чрезмерно!»

136 И с омерзеньем прочь пошел поэт.

То тень Таиды, грешницы неверной

Песнь XIX

Содержание. Поэты приближаются к третьему рву, в котором казнится симония²⁵ – святокупство, грех Симона волхва. Каменное дно этого рва пробито множеством круглых ям, в которые уткнуты головою и телом грешники: ноги их торчат кверху и сжигаются пламенем. Виргилий на руках несет Данта на дно рва и становится с ним подле одного грешника, над которым пламя горит краснее: это папа Николай II. Грешник принимает Данта за папу Бонифация VIII; но, разуверенный в ошибке, повествует о грехе своем и намекает на других более важных симонистов, которые со временем займут в аду его место. Тогда Данте изливает в сильной речи свое негодование на унижение папского достоинства и алчность пап, отчего грешник в немощной злобе сильно потрясает ногами. Виргилий, с довольным видом слушавший эти слова, опять возносит Данта на крутой утес и по мосту приближается к четвертому рву.

- 1 О Симон волхв, о род злосчастливых братий!
Господень дар, с единым лишь добром
Вступающий в святой союз, как тати,²⁶

²⁵ Симония (церк.) – попытка приобрести за плату Благодать Духа Святого.

²⁶ Тать (устар.) – то же, что вор.

- 4 Вы осквернили златом и серебром!
Для вас должна греметь труба отныне,
Для вас, навек пожранных третьим рвом!
- 7 Уж мы пришли к ближайшей к нам пучине,
Взобравшись там на горные хребты,
Где, как отвес, падут они к середине.
- 10 О высший разум! как всеилен ты

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.